

Любимый детектив
Английской королевы

Энн Перри

Тишина
в Хановер-
клоуз

В МИРЕ ПРОДАНО БОЛЕЕ 26 МИЛЛИОНОВ ЭКЗЕМПЛЯРОВ КНИГ ЭНН ПЕРРИ

Томас Питт

Энн Перри

Тишина в ХанOVER-клоуз

«ЭКСМО»

1999

Перри Э.

Тишина в Хановер-клоуз / Э. Перри — «Эксмо», 1999 — (Томас Питт)

По приказу начальства инспектор лондонской полиции Томас Питт расследует дело об убийстве и ограблении трехлетней давности. В библиотеке респектабельного особняка, расположенного в Хановер-клоуз, ночью ударом по голове был убит дипломат Роберт Йорк. Вскоре Томас сталкивается со многими странностями. Преступление было совершено явно не профессионалом, а украденные вещи и бумаги так нигде и не всплыли. Кроме того, до убийства в доме несколько раз видели загадочную женщину в пурпурном платье, которую никто не знал. Проведав об очередной криминальной загадке, жена Томаса Шарлотта и ее сестра Эмили немедленно начинают собственное расследование. Но дело оборачивается так, что леди Эмили Эшворд приходится идти служанкой в богатый дом, а Томас Питт попадает в тюрьму по обвинению в убийстве...

© Перри Э., 1999

© Эксмо, 1999

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	29
Глава 4	44
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Энн Перри

Тишина в Хановер-клоуз

© Гольдберг Ю. Я., перевод на русский язык. 2013

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо». 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Когда расследование ведут инспектор Томас Питт и его жена Шарлотта, мы можем быть уверены, что находимся в образцово-показательной викторианской компании.

The New York Times

Мало кто из создателей детективов в духе Артура Конан Дойля может так красочно воспроизвести атмосферу викторианского Лондона, так точно прорисовать его детали и воссоздать настроение той эпохи, как Перри.

San Francisco Chronicle

Если вы купили очередную историю от Энн Перри, то вы можете смею рассчитывать на то, что она будет превосходна.

The San Diego Union Tribune

Участливость Питта и природная сметка Шарлотты сделали эту пару практически идеальными сыщиками — и уникальными литературными характерами...

Энн Перри благодаря своему редкому дару описала их очень живо и жизненно.

The Philadelphia Inquirer

Совершенно невероятный — и вместе с тем абсолютно правдоподобный финал...

Publishers Weekly

Тете Айне,

вдохновившей меня на создание образа тетушки Веспасии

Глава 1

– Полицейский участок, сэр! – громко объявил кэбмен, не дожидаясь, пока остановится лошадь. В его хриплом голосе звучало презрение. Он не любил подобные места, и тот факт, что участок находился в красивом, аристократическом квартале Мейфэр, нисколько не менял дела.

Томас Питт выбрался из кэба, поднялся по каменным ступеням и вошел в дверь.

– Да, сэр? – без особого интереса спросил сидевший за столом сержант.

– Я инспектор Питт с Боу-стрит¹, – кратко представился Томас. – Мне нужно видеть старшего дежурного офицера.

Сержант тяжело вздохнул, критически рассматривая Питта. Инспектор никак не соответствовал представлениям сержанта о начальстве – он был какой-то несерьезный. На самом деле вошедший выглядел просто неряшливо: одежда разномастная, карманы набиты всяким хламом... Парень совсем за собой не следит. Такое впечатление, что его волос никогда не касались ножницы цирюльника – разве что садовые ножницы. Тем не менее сержант слышал о Питте и поэтому разговаривал уважительно.

– Конечно, сэр. Инспектор Моубрей. Я доложу ему о вашем приходе. Могу я узнать, по какому делу, сэр?

Питт сдержанно улыбнулся.

– Нет, простите. Это строго конфиденциально.

– Как скажете, сэр. – Сержант лениво повернулся и вышел. Несколько минут спустя он вернулся, двигаясь с той же неторопливостью. – В эту дверь, сэр. Потом вторая дверь налево. Инспектор Моубрей вас ждет.

Моубрей был смуглым, лысеющим мужчиной с умным лицом; он с явным любопытством разглядывал Питта, который вошел к нему в кабинет и закрыл дверь.

– Питт, – представился гость и протянул руку.

– Я слышал о вас. – Моубрей крепко сжал ладонь Томаса. – Чем могу помочь?

– Мне нужно увидеть отчет о расследовании ограбления на Хановер-клоуз около трех лет назад – а если точнее, семнадцатого октября 1884 года.

Лицо Моубрея вытянулось от удивления, потом помрачнело.

– Печальная история. Ограбление дома нечасто сопровождается убийством – по крайней мере, в этом районе... Ужасно, ужасно. Ничего так и не нашли. – Его брови приподнялись, и он с надеждой посмотрел на Питта. – У вас что-то есть? Всплыла наконец одна из украденных вещей?

– Нет, ничего. Мне очень жаль, – извинился Томас. Он чувствовал себя виноватым, вмешиваясь в чужую работу, и сердился, потому что был вынужден хитрить, скрывая истинную цель своего визита, который, скорее всего, окажется бесполезным.

Питту не нравилось, что он оказался втянутым в это дело. Им должен был заниматься Моубрей, но поскольку речь шла о такой деликатной материи, как честь женщины – жертва была из благородной и влиятельной семьи, – а главное, появились слухи о возможном предательстве, Министерство иностранных дел использовало свое влияние и добились того, чтобы расследованием руководил Балларат; так они получали возможность следить за ходом расследования и направлять его. Суперинтендант Балларат очень хорошо умел предугадывать желания начальства и был честолюбив, намереваясь достичь в своей профессии таких высот, чтобы проложить дорогу в высшее общество и, возможно, даже стать джентльменом. Суперинтендант

¹ На Боу-стрит находилось Управление полиции Лондона.

не понимал, что те, на которых он хотел произвести впечатление, всегда способны определить происхождение человека по его манерам и речи.

Питт был сыном егеря и вырос в большом деревенском поместье. Он воспитывался вместе с хозяйским сыном и обладал манерами мелкопоместного дворянина. Кроме того, он женился на девушке, которая была гораздо выше его по социальному положению, что приближало его к тем слоям общества, которые недоступны для обычного полицейского. Балларат не любил Питта и считал его манеру держаться высокомерной. Тем не менее суперинтендант был вынужден признать, что лучшего человека, чем Питт, для этого расследования не найти.

На лице Моубрея промелькнуло разочарование, но всего лишь на мгновение – вероятно, он ни на что и не надеялся.

– Ага. Тогда вам лучше сначала поговорить с констеблем Лоутером; это он нашел тело. И конечно, вы можете прочесть все отчеты того времени. Но там почти ничего нет. – Он покачал головой. – Мы очень старались, но свидетелей не нашлось, а ни одна из украденных вещей так и не всплыла. Возможно, замешан кто-то из своих, и поэтому мы опросили всю прислугу в доме. Безрезультатно.

– Думаю, я тоже ничего не найду. – Это звучало как скрытое извинение.

– Выпьете чашку чаю, пока я пошлю за Лоутером? – предложил Моубрей. – Жуткая погода. Не удивлюсь, если снег выпадет еще до Рождества.

– Спасибо. – Питт с радостью согласился.

Десять минут спустя он сидел в другой комнате, маленькой и холодной, с шипящей газовой лампой на стене, освещавшей обшарпанный деревянный стол. На столе лежала тонкая папка с документами, а напротив Питта по стойке смирно стоял напряженный и смущенный констебль; пуговицы на его мундире сверкали.

Томас предложил констеблю сесть и рассказать все, что ему известно.

– Да, сэр, – нервно произнес Лоутер. – Я очень хорошо помню то убийство на Хановер-клоуз. Что вы хотите знать?

– Всё. – Питт взял чайник, не спрашивая наполнил белую эмалированную кружку и подвинул констеблю, который от удивления вытаращил глаза.

– Спасибо, сэр. – Он с удовольствием отхлебнул, собрался с мыслями и тихим голосом стал рассказывать: – Это было семнадцатого октября, в пять минут четвертого утра, больше трех лет назад. Я тогда был на ночном дежурстве и проходил мимо Хановер-клоуз...

– Как часто? – перебил его инспектор.

– Каждые двадцать минут, сэр. Регулярно.

Губы Питта тронула улыбка.

– Я знаю, как это бывает. Вы уверены, что вас нигде ничто не задержало в ту ночь? – Он намеренно оставил Лоутеру лазейку, дав возможность избежать обвинений и в то же время не лгать. – Может, были какие-нибудь происшествия?

– Нет, сэр. – Взгляд синих глаз констебля был честен. – Иногда меня и вправду задерживают, но не в ту ночь. Я был точен, как часы – ну, минута туда, минута сюда. Вот почему я заметил разбитое окно в номере втором – двадцать минут назад оно было целым. Причем на фасаде, что очень странно. Обычно грабители заходят со двора и запускают худого парнишку, чтобы тот пролез между прутьями решетки и открыл им дверь.

Питт кивнул.

– Ну, я подошел к двери дома номер два и постучал, – продолжал Лоутер. – Мне пришлось устроить адский шум... – Он покраснел. – Прошу прощения, сэр. Долго стучать, пока кто-нибудь не спустился. Минут через пять дверь открыл лакей. Полусонный. Ливрея поверх ночной рубашки. Я сказал ему о разбитом окне, и он вроде как испугался и повел меня прямо в комнату с окнами на улицу. В библиотеку. – Констебль тяжело вздохнул, но не отвел взгляда. – Я сразу увидел, что дело плохо – два стула опрокинуты и лежат на боку, по полу

валяются книги, вино из графина пролито на стол у окна, а само окно разбито и на полу блестят осколки.

– Блестят? – переспросил Пит.

– Лакей зажег газовые лампы, – объяснил Лоутер. – Он был здорово напуган, могу поклясться.

– И что дальше?

– Я прошел в комнату. – Лицо констебля сморщилось, словно он вдруг вспомнил, что человек смертен. – На полу я увидел тело мужчины, сэр. Лицом вниз, вот только ноги его были немного согнуты, будто на него напали сзади, врасплох. Голова вся в крови... – Он коснулся своего правого виска, у линии волос. – На полу в десяти дюймах от него лежала бронзовая лошадь на подставке, дюймов восемнадцать в длину. На мужчине был халат поверх ночной рубашки, на ногах домашние туфли. Я подошел поближе, чтобы посмотреть, можно ли ему помочь, хотя сразу понял, что он мертв. – На лице констебля появилось выражение, словно у взрослого, жалеющего ребенка. – Лакею – парню было не больше двадцати лет, точно – стало дурно, и он сел на пол. «О, боже... – сказал он – Это мистер Роберт. Бедная миссис Йорк!»

– Мужчина был мертв? – спросил Питт.

– Да, сэр, мертвее не бывает. Но еще теплый. И я точно знал, что окно было целым, когда я проходил мимо двадцать минут назад.

– Что вы делали дальше?

– Ну, понятно было, что его убили. И, похоже, кто-то забрался в дом с улицы – все стекло внутри, шпингалет отодвинут. – Его лицо помрачнело. – Но это был явно какой-то новичок: ни стекольных работ, ничего – и такой беспорядок!

Питту не было нужды спрашивать, что такое «стекольные работы». Многие опытные воры пользовались этим приемом: на стекло наклеивалась бумага, которая будет удерживать осколки, а затем аккуратно и беззвучно вырезался круг, чтобы в отверстие можно было просунуть руку и открыть шпингалет. Искусный взломщик способен проделать эту операцию за пятнадцать секунд.

– Я спросил у лакея, есть ли в доме один из этих телефонных аппаратов, – продолжал Лоутер. – Он сказал – есть, и я вышел из библиотеки, оставив лакея у двери. Нашел аппарат, позвонил в участок и сообщил о преступлении. Потом спустился дворецкий – должно быть, услышал шум и, когда лакей не вернулся наверх, решил сам посмотреть, что случилось. Он официально опознал мертвого мужчину как мистера Роберта Йорка, сына почтенного Пирса Йорка, хозяина дома. Но того не было, он уехал по делам, и поэтому ничего не оставалось делать, как сообщить старой миссис Йорк, матери жертвы. Дворецкий послал за камеристкой – на случай, если леди станет дурно от такой новости. Но когда миссис Йорк спустилась и мы ей сказали, то она вела себя очень спокойно и достойно. – Констебль восхищенно вздохнул. – В такие моменты понимаешь, что значит настоящая порода. Она стала бледной, как привидение, будто сама умерла, но не плакала при нас, а только попросила камеристку немного поддержать ее.

Питт видел много замечательных женщин, которых воспитывали переносить физическую боль, одиночество или тяжелую утрату, сохраняя внешнюю невозмутимость; их слез не видел никто. Эти женщины провожали своих мужей и сыновей на битвы при Ватерлоо или под Балаклавой, в экспедицию на Гиндукуш, на поиски истоков Голубого Нила, а затем для того, чтобы создавать империю и управлять ею. Многие сами отправились в незнакомые земли, стойко перенося нужду, лишения и разлуку со всем, что им дорого и близко. В представлении Питта миссис Йорк была именно такой женщиной.

Лоутер продолжал говорить тихим голосом, вспоминая печальный дом и горе его обитателей.

– Я спросил, не пропало ли чего. Было неудобно расспрашивать хозяйку в такой момент, но нам нужно было знать. Миссис Йорк была очень спокойна, но двигалась по комнате вроде как с опаской. Она сказала, что, как ей кажется, отсутствуют два маленьких портрета в серебряных рамах, датированных 1773 годом, хрустальное пресс-папье с гравировкой в виде цветов и свитков, маленький серебряный кувшин, в который ставили цветы, – об этом легко было догадаться, потому что сами цветы валялись на полу, а вода была вылита на ковер; непонятно, как мы не заметили этого раньше, – и первое издание книги Джонатана Свифта. Больше ничего она не заметила.

– Где хранили книгу?

– На полке, вместе с другими, мистер Питт... Это значит, она знала, где стоит книга. Я спросил, и она ответила, как будто в этом не было ничего особенного.

– Ага. – Питт медленно выдохнул. И сменил тему: – Убитый был женат?

– О, да. Но я не стал беспокоить его жену, бедняжку. Она спала, и я не видел смысла будить ее посреди ночи. Решил, пусть уж это сделают родственники.

Питт не стал его винить. Сообщать печальные новости близким жертв – одна из самых тяжелых обязанностей в делах об убийстве; тяжелее только видеть лица родственников виновных, когда они наконец узнают правду.

– Вещественные доказательства? – спросил он.

– Ничего, сэр, – покачал головой Лоутер. – По крайней мере, ничего существенного. В доме не нашли чужих вещей, и ничто не указывало на то, что грабитель был где-нибудь, кроме библиотеки. Ни следов обуви, ни обрывков ткани – ничего. На следующий день мы опросили всех слуг в доме, но они ничего не слышали. Никто не слышал, как разбилось окно. Но слуги спят на самом верху, на чердаке – наверное, они и не могли слышать.

– А снаружи? – настаивал Питт.

– Тоже ничего, сэр. Никаких следов под окном, но в ту ночь был ужасный мороз, и земля стала как железо. Я сам не оставил следов, хотя вешу около четырнадцати стоунов².

– И достаточно сухо, так что на ковре ваших следов тоже не осталось? – спросил Томас.

– Ни одного, сэр. Я тоже об этом подумал.

– Свидетели?

– Нет, мистер Питт. Я сам никого не видел и не нашел людей, которые видели. Понимаете, Хановер-клоуз – это и вправду тупик; через него нет сквозной дороги, и чужие там не ходят, только местные жители, особенно зимой, посреди ночи. И шлюх там тоже не бывает.

Примерно это Томас и ожидал услышать. Но ведь шанс всегда есть. Остался один очевидный вопрос.

– А что насчет украденных вещей?

Лоутер поморщился.

– Ничего. Хотя мы очень старались – убийство как-никак.

– Что-нибудь еще?

– Нет, мистер Питт. С семьей говорил мистер Моубрей. Может, он расскажет вам больше.

– Я его спрошу. Спасибо.

Лоутер был удивлен, но особого облегчения, похоже, не испытывал.

– Спасибо, сэр.

Моубрея Питт нашел в его кабинете.

– Узнали, что хотели? – спросил тот; на его смуглом лице появилось выражение любопытства и смирения. – Лоутер опытный работник. Будь там что-нибудь, он бы этого не упустил.

² Т. е. около 89 кг.

Томас сел, стараясь расположиться ближе к камину. Моубрей подвинулся, освобождая ему место, и взял чайник, движением бровей предлагая еще чаю. Питт кивнул. Напиток был темно-коричневым, перестоявшимся, но горячим.

– Вы пришли на следующий день? – приступил к делу Томас.

Моубрей нахмурился.

– Пораньше, насколько позволяли приличия. Терпеть это не могу – разговаривать с теми, кто потерял близкого человека и еще не оправился от шока. Но ничего не поделаешь. Очень жаль. Самого Йорка дома не было, только мать и вдова.

– Расскажите мне о них, – перебил его Питт. – Не только факты. Какое они произвели на вас впечатление?

Моубрей набрал полную грудь воздуха и медленно выдохнул.

– Старшая миссис Йорк – удивительная женщина. В свое время, думаю, была красавицей, да и теперь еще привлекательная, очень...

Питт не торопил его; пусть Моубрей расскажет все своими словами.

– Очень женственная. – Инспектор был недоволен найденным определением. Он нахмурился и несколько раз моргнул. – Нежная, как... как те цветы в ботаническом саду... – Его лицо расслабилось от приятных воспоминаний. – Камелии. Приглушенные цвета и изящная форма. И сдержанные – не чета полевым цветам или розам, что распускаются поздней осенью.

Питт любил розы – роскошные, буйные. Хотя это дело вкуса. Наверное, Моубрей считал их вульгарными.

– А вдова? – Томас старался говорить ровно, чтобы не выдать своего интереса.

Но Моубрея, похоже, не проведешь. Губы его тронула легкая улыбка, и он пристально посмотрел в лицо Питту.

– Она была потрясена случившимся, готов в этом поклясться – бледная как смерть. Я видел много женщин, охваченных горем; это худшее в нашей работе. Обычно они плачут, падают в обморок и все время говорят о своих чувствах. Миссис Йорк же не произнесла ни слова, как будто онемела. И отводила взгляд, как обычно делают лжецы. На самом деле, мне кажется, ей было безразлично, что мы думаем.

Томас не смог сдержать улыбки.

– Не камелия?

Во взгляде Моубрея вспыхнули искорки.

– Совсем другой тип женщины, гораздо более...

Питт терпеливо ждал.

– Более деликатная, более ранимая. Полагаю, отчасти из-за своей молодости, но у меня сложилось впечатление, что в ней нет внутренней силы. Но даже в таком состоянии она оставалась одной из самых красивых женщин, которых мне приходилось видеть, – высокая и очень стройная, как весенний цветок, только смуглая. Я бы сказал, хрупкая. Ее лицо, не похожее ни на какое другое, забыть невозможно. Высокие, изящные скулы. – Он покачал головой. – Очень чувственное лицо.

Питт помолчал, пытаясь представить эту женщину. Чего на самом деле боится Министерство иностранных дел – убийства, предательства или просто скандала? Какова истинная причина того, что Балларата заставили снова открыть это дело? Или нужно просто убедиться, что там не было никакой грязи, которая может всплыть и разрушить карьеру посла? За время короткого разговора Томас проникся уважением к Моубрею. Хороший полицейский, настоящий профессионал. Если Моубрей убежден, что Вероника Йорк была в шоке, значит, у Питта не должно быть причин в этом сомневаться.

– Что сообщили родственники?

– Обе дамы обедали у друзей. Вернулись около одиннадцати и сразу пошли спать, – ответил Моубрей. – Слуги это подтвердили. Роберт Йорк куда-то уехал по делам. Он служил

в Министерстве иностранных дел и вечерами часто бывал занят. Вернулся домой после матери и жены. Они не знают, когда. Слуги тоже. Йорк сам предупредил их, чтобы его не ждали. Похоже, он еще не спал, когда в дом проник грабитель. Наверно, спустился вниз, наткнулся на непрошеного гостя в библиотеке и был убит. – Моубрей скривился. – Не понимаю, почему. То есть почему грабитель просто не спрятался или, того лучше, не выскочил в окно? Шпингалет был открыт. Убивать не было никакой необходимости. Очень непрофессионально.

– И к каким же выводам вы пришли?

Брови Моубрея поползли вверх.

– «Глухарь», – ответил он и умолк в нерешительности, словно задумавшись, стоит ли откровенничать дальше.

Питт допил чай и поставил пустую кружку на камин.

– Станный случай, – небрежно произнес он. – Злоумышленник точно знает, когда проникнуть в дом, чтобы его не увидел Лоутер, хотя констебль проходит мимо каждые двадцать минут, но вместо того, чтобы пробраться во двор, подальше от улицы, и запустить «ужа», который протиснется между прутьев в буфетную, или ломиком разогнуть эти прутья, он разбивает окно на фасаде, причем даже не заклеивает его бумагой, чтобы избежать лишнего шума и скрыть отверстие. Вор хорошо информирован и знает, где искать первое издание Свифта – Лоутер сказал, что томик стоял на полке среди других книг, – но, с другой стороны, он так неуклюж, что поднимает шум и будит Роберта Йорка, который спускается и застаёт его на месте преступления. А когда появляется Йорк, грабитель не прячется и не скрывается бегством, а набрасывается на него, причем с такой яростью, что убивает.

– И не продает ничего из добычи, – закончил Моубрей. – Знаю. Странно, очень странно. Может, это какой-то знакомый мистера Йорка, джентльмен, оказавшийся в затруднительном положении и решивший ограбить друзей... Мы начали разрабатывать эту версию, очень осторожно. Даже стали приглядываться к его знакомым – но начальство очень вежливо и холодно объяснило, что мне следует знать свое место и больше не беспокоить благородных людей, которые понесли ужасную утрату. Никто прямо не говорил, чтобы я закрыл дело, – ничего такого. Просто выражение сочувствия семье и суровый взгляд. Но я понимаю все и без слов.

Именно это Томас ожидал услышать; он сам сталкивался с подобными намеками, не произнесенными, но очевидными. Речь не шла о подозрении или вине – просто о разнице в происхождении и материальном положении, а также огромной, не поддающейся определению власти, которую они давали.

– Похоже, теперь моя очередь. – Питт заставил себя встать. На улице шел дождь; струи воды хлестали в окно, мешая рассмотреть фронтоны и крыши. – Спасибо за помощь и за чай.

– Я вам не завидую, – сухо сказал Моубрей.

Питт улыбнулся. Ему нравился этот инспектор, и ему очень не хотелось повторно проделывать всю работу, словно обвиняя Моубрея в некомпетентности. Черт бы побрал этого Балларата и Министерство иностранных дел!

На улице Питт поднял воротник пальто, плотнее завернул шарф и склонил голову навстречу струям дождя. Некоторое время он шел пешком, шлепая по лужам, с прилипшими ко лбу волосами, обдумывая полученные от полицейских сведения. Что нужно Министерству иностранных дел? Достойное завершение дела, в котором замешан один из сотрудников, чтобы, как выразился Балларат, в будущем не возникло никаких неприятностей? Вдова Роберта Йорка была неофициально помолвлена с неким Джулианом Данвером. Если Данвер метит на должность посла или даже выше, все члены его семьи, и особенно жена, должны иметь незапятнанную репутацию.

Или какие-то новые сведения, касающиеся убийства Роберта Йорка, указывают на государственную измену и для ее раскрытия они используют Питта? На него свалят вину за неизбежные трагедию, скандал, погубленные карьеры и репутации...

Неприятная работа, а рассказ Моубрея сделал ее еще неприятнее. Кто был тот человек в библиотеке и зачем он туда забрался?

От Пиккадилли Питт свернул к площади Сент-Джеймс, затем пошел по Мэлл, через плац-парад конной гвардии мимо голых деревьев и растрепанной ветром травы парка, потом по Даунинг-стрит к Уайтхоллу и Министерству иностранных дел. Ему потребовалось полчаса, чтобы найти нужных чиновников и наконец добраться до департамента, в котором служил до самой своей смерти Роберт Йорк.

Его встретил представительный мужчина лет сорока с черными волосами и глазами, которые поначалу выглядели такими же темными, но, когда он повернулся к свету, оказались ярко-серыми. Мужчина назвался Феликсом Эшерсоном и пообещал помочь – сделать все, что в его власти. Питт сразу понял, что особой помощи ждать не стоит.

– Благодарю вас, сэр. У нас есть причина снова вернуться к трагической смерти мистера Роберта Йорка, случившейся три года назад.

На лице Эшерсона мгновенно появилось выражение сочувствия – иного и быть не могло, поскольку в Министерстве иностранных дел безупречные манеры являлись частью профессии.

– Вы кого-то поймали?

Питт ответил уклончиво.

– Нет. Боюсь, что нет. Но тогда были украдены несколько предметов. Представляется вполне вероятным, что грабитель был не обычным преступником, а человеком образованным, искал что-то конкретное.

Эшерсон терпеливо ждал.

– Неужели? А тогда вы этого не знали?

– Знали, сэр. Но лица, облеченные властью... – Питт надеялся, что выработанной в коридорах Уайтхолла привычки к скрытности будет достаточно, чтобы Эшерсон не стал уточнять, кто именно, – попросили меня снова заняться этим делом.

– О. – Лицо Эшерсона напряглось – почти незаметно, лишь слегка шевельнулись мышцы под челюстью и белый стоячий воротничок глубже врезался в кожу. – Чем мы можем вам помочь?

Любопытно, как он использовал множественное число, указывая, что он представитель министерства и лично никак не связан с этим делом.

Питт тщательно выбирал слова.

– Поскольку грабитель выбрал библиотеку, а не другие, более привлекательные с точки зрения наживы комнаты, в частности столовую, где хранятся серебряные приборы, мы предположили, что он мог искать документы, например, те, над которыми в то время работал мистер Йорк.

– Неужели? – Эшерсон уклонился от ответа.

Питт ждал.

Эшерсон тяжело вздохнул.

– Полагаю, такое возможно – я хочу сказать, что грабитель мог рассчитывать что-то найти. Это вам поможет? Как-никак прошло три года.

– Мы никогда не бросаем дел об убийстве, – мягко ответил Питт. Хотя это было закрыто после шести месяцев бесплодных поисков. Зачем же его снова открыли?

– Нет... конечно, – согласился Эшерсон. – И чем же Министерство иностранных дел может вам помочь?

Питт решил идти напрямик. Он слегка улыбнулся, не спуская глаз с Эшерсона.

– Скажите, не было ли утечки информации из министерства после того, как сюда пришел мистер Йорк? Я понимаю, что вы можете не знать, когда именно случилась утечка – только когда ее обнаружили.

Эшерсон колебался.

– Вы как будто сомневаетесь в нашей компетентности, инспектор. Мы не теряем документов; они слишком важны.

– Значит, если документ попал в неподобающее место, то его отдали намеренно? – невинно спросил Питт.

Эшерсон медленно выдохнул, пытаясь выиграть время и собраться с мыслями. На его лице проступила растерянность. Он не понимал, куда клонит инспектор и что ему нужно.

– Эти документы... – осторожно произнес Питт, прощупывая почву. Он постарался, чтобы вышло нечто среднее между вопросом и утверждением.

Эшерсон мгновенно изобразил неведение.

– Документы? Тогда, возможно, именно поэтому убили беднягу Роберта. Если он взял бумаги с собой и об этом стало известно, то вор мог... – Эшерсон умолк на полуслове.

– То есть это мог быть не единичный случай? – гнул свое Питт. – Или вы предполагаете, что такое произошло лишь однажды и по какой-то случайности вор выбрал именно эту ночь?

Предположение было абсурдным, и они оба это понимали.

– Нет, конечно, нет. – Эшерсон слабо улыбнулся. Его загнали в угол, и если он и обиделся, то не показывал виду. – Я не знаю, что произошло, но если Роберт и был неосторожен или имел друзей, не оправдавших его доверия, теперь это уже не важно. Бедняга мертв, а документы не могли попасть к нашим врагам – в противном случае мы бы уже понесли ущерб. Но ничего такого не случилось. Это я могу вам точно сказать. Если подобная попытка и имела место, она окончилась неудачей. Может, не стоит тревожить его память – не говоря уже о семье?

– Спасибо, мистер Эшерсон. – Питт встал. – Благодарю за откровенность. Хорошего вам дня.

Он ушел, оставив растерянного Эшерсона посреди яркого турецкого ковра в алых и синих узорах.

Добравшись по темноте и холоду до Боу-стрит, Томас поднялся по лестнице к кабинету Балларата, постучал в дверь и, услышав приглашение, вошел.

Балларат стоял перед камином, загораживая пламя. Его кабинет разительно отличался от скромных помещений внизу, предназначенных для полицейских рангом пониже. Широкий письменный стол был инкрустирован зеленой кожей, а мягкое сиденье стула позади него вращалось на специальном шарнире. В каменной пепельнице лежал окурок сигары. Сам Балларат был осанистым мужчиной среднего роста с чуть коротковатыми ногами. Но его густые бакенбарды были безукоризненной формы, и от него пахло одеколоном. Одежда – от красно-коричневых башмаков до коричневого, в тон, галстука вокруг жесткого белого воротничка – тщательно отутюжена. Он представлял собой полную противоположность растрепанному Питту, с его разномастной одеждой и карманами, отвисшими от бесчисленного количества предметов. Даже теперь из одного кармана у него свисал шнурок, а мягкий воротник рубашки был наполовину скрыт шарфом ручной вязки.

– Ну? – раздраженно спросил Балларат. – Закройте дверь, черт возьми! Не хватало еще, чтобы нас услышала половина участка. Дело конфиденциальное, я же вас предупреждал. Ну, что раскопали?

– Почти ничего, – ответил Питт. – Расследование было проведено со всей возможной тщательностью.

– Знаю, черт возьми! Я читал отчеты по этому делу. – Балларат еще засунул в карманы свои короткие пальцы и сжал кулаки. Он слегка раскачивался на пятках. – Это была случайность? Какого-то дилетанта застали на месте преступления, и он запаниковал и убил молодого Йорка, а не убежал, как профессиональный грабитель? Я уверен, что любые связи с Министерством иностранных дел – просто совпадение. Высокое начальство... – он повторил эти слова, словно перекатывая во рту, – высокое начальство заверило меня, что наши враги не имеют сведений о том, над чем работал Йорк.

– Скорее, кто-то из друзей Йорка залез в долги и решился на ограбление, чтобы поправить дела. – Питт увидел, что его честный ответ вызвал неудовольствие Балларата. – Грабитель знал, где стоит первое издание Свифта.

– Наводчик из своих, – тут же парировал Балларат. – Подкупленный слуга.

– Возможно. Если предположить, что кто-то из слуг способен распознать первое издание Свифта. Вряд ли distinguished Пирс Йорк обсуждал такие вещи со служанкой.

Балларат открыл рот, намереваясь сказать Питту, что сарказм тут неуместен, но затем передумал и сменил тему.

– Ладно, но если это кто-то из знакомых, вам следует быть чертовски аккуратным со своими расспросами, Питт! Нам доверили очень деликатное расследование. Одно неосторожное слово может погубить репутацию человека – не говоря уже о вашей карьере. – Он совсем разволновался, и его лицо приобрело пурпурный оттенок. – Единственное, чего хочет Министерство иностранных дел, – это удостовериться, что там не было ничего... неподобающего в поведении миссис Йорк. Нам не позволено чернить имя умершего человека, благородного человека, который достойно служил своей королеве и своей стране.

– Да, но из Министерства иностранных дел исчезали документы, – в голосе Томаса слышалось отчаяние, – и ограбление в доме Йорка ставит вопросы, которые требуют объяснения.

– Вот и займитесь этим, черт возьми! – рявкнул Балларат. – Выясните, кто этот друг Йорка, а еще лучше, докажите, что это был вовсе не друг! Очистите миссис Веронику Йорк от малейшего намека на пятно на ее репутации, и нас всех отблагодарят.

Питт собрался было возразить, но по выражению черных глаз Балларата понял, что это бесполезно, и сдержал свой гнев.

– Да, сэр.

Он выскочил на улицу, кипя от возмущения. Холодный воздух ударил в лицо, струи дождя впились в кожу, а прохожие толкали его со всех сторон. Питт слышал грохот проезжающих мимо экипажей, видел освещенные витрины лавок, горящие газовые фонари на улице, чувствовал запах жареных каштанов. Кто-то пел рождественский гимн. Мысли Томаса потекли в другом направлении. Он представил, какие будут лица у его детей в утро Рождества. Они уже достаточно взрослые и с нетерпением ждут праздника. Дэниел каждый вечер спрашивает, не наступит ли завтра Рождество, и шестилетняя Джемайма с превосходством старшей сестры объясняет, что нужно немного подождать. Питт улыбнулся. Он смастерил для Дэниела деревянный поезд с паровозом и шестью вагонами, а Джемайме купил куклу. Шарлотта шила для куклы платья, юбочки и милую шляпку. В последнее время Питт замечал, что при его неожиданном появлении жена прячет шитье под подушку для кружев и вид у нее подозрительно невинный.

Улыбка его стала шире. Томас догадывался, что Шарлотта шьет что-то и для него. Он особенно гордился подарком, который купил жене, – розовой алебастровой вазой девяти дюймов высотой, простой и изящной. Потребовалось девять недель, чтобы накопить нужную сумму. Оставалась одна проблема – Эмили, овдовевшая сестра Шарлотты. Она вышла замуж по любви, но ее муж Джордж был знатен и богат. После потрясения, вызванного тяжелой утратой – это случилось минувшим летом, – было совершенно естественно, что она вместе со своим пятилетним сыном Эдвардом проведет рождественский сочельник у сестры. Но хватит ли у него денег, чтобы порадовать Эмили?

Так и не решив эту задачу, Питт подошел к парадной двери своего дома. Он снял мокрое пальто и повесил на крючок, стянул отсыревшие сапоги и в одних носках пошел на кухню.

Джемайме встретила его посреди коридора; щеки ее разругались, глаза сияли.

– Папа, еще не наступило Рождество? Сегодня еще не сочельник?

– Еще нет. – Томас взял ее на руки и крепко обнял.

– Точно?

– Да, радость моя, точно. – Он отнес дочь на кухню и опустил на пол. Горничная Грейси была наверху, с Дэниелом. Шарлотта суежилась на кухне одна, добавляя последние штрихи к рождественскому пирогу. Выбившаяся из прически прядь волос спускалась ей на лоб.

– Есть что-нибудь интересное? – с улыбкой спросила она.

– Нет. Одно старое дело, которое никуда не приведет. – Питт поцеловал жену, потом еще раз.

– Ты уверен? – не унималась Шарлотта.

– Уверен. Это всего лишь формальность.

Глава 2

Поначалу Шарлотта удовлетворилась кратким объяснением Питта, не желавшего обсуждать свое новое дело, потому что была занята предстоящим Рождеством. На кухне еще столько работы: спрятать тщательно завернутые трехпенсовые ломтики сливового пудинга, приготовить конфеты, джем для пирожных, нарезать фрукты для сладких пирожков. А еще закончить подарки и завернуть в цветную бумагу. А главное – держать все в секрете, чтобы получился настоящий сюрприз.

В любое другое время Шарлотта проявила бы больше любопытства и уж точно больше настойчивости. В прошлом она помогала Томасу в расследовании нескольких самых сложных и трагических дел, когда любопытство или гнев привлекали ее внимание к тому или иному случаю. Минувшим летом убили мужа ее сестры Эмили, и то дело казалось бесконечным. Сама Эмили считалась главной подозреваемой. У Джорджа завязался короткий, но бурный роман с Сибиллой Марч, и Эмили была единственной, кто знал, что любовники расстались за день до его смерти. Но кто ей поверит, если все улики указывают на нее? А сама Эмили так старалась вновь вернуть внимание Джорджа, что вела себя вызывающе в своих отношениях с Джеком Рэдли, намеренно создавая у всех впечатление, что у нее тоже роман.

Шарлотта никогда в жизни так не боялась, как в тот период, и не подходила так близко к истинной трагедии. Когда погибла ее сестра Сара, это стало для нее потерей, внезапной и горькой, но тогда виной были внешние обстоятельства, случайность, от которой не застрахован никто. Другое дело – смерть Джорджа. Тут причина, похоже, крылась внутри; все их предположения о безопасности и любви были разбиты одним простым, но сокрушительным ударом, затронув буквально всё и всё окрасив сомнением. Какие недостатки Эмили и какие провалы в доверии, которое она считала таким незыблемым, заставили Джорджа вспылать страстью к другой женщине? Их примирение и воссоединение было таким кратким, таким хрупким и сокровенным, что не успело расцвести, и никто не знал о нем. А следующим утром Джорджа убили.

Не было ни жалости, ни внимания опечаленных друзей, как после смерти Сары. Скорее подозрения и даже ненависть, словно все старые ссоры и ошибки прибавились к страху, что вина падет на всех – обожжет, выставив напоказ тайны и слабости других людей. Именно так и произошло.

Это случилось полгода назад, и Эмили уже оправилась от потрясения. В обществе ее перестали чураться; люди из всех сил старались загладить вину за проявленную в свое время подозрительность и трусость. Однако приличия требовали, чтобы вдов все видели скорбящими, особенно если они принадлежат к таким древним и титулованным фамилиям, как Эшворды. Тот факт, что Эмили еще не исполнилось тридцати, никак не отменял обязанности сидеть дома, принимать только родственников и все время носить траур. Ей не пристало появляться на общественных мероприятиях, которые могли считаться фривольными или развлекательными, и она была обязана все время сохранять серьезный вид.

Для Эмили все это было почти невыносимо. Первым делом, как только убийца Джорджа был найден, а дело – закрыто, она уехала в деревню вместе с Эдвардом, желая побыть в одиночестве и помочь сыну привыкнуть к смерти отца и своему новому положению. С наступлением осени Эмили вернулась в город, но приемы, оперные спектакли, балы и суаре, к которым она привыкла, теперь стали недоступными. Друзья, приходившие к ней, были до смешного серьезными; никто не сплетничал, не обсуждал моду, новую пьесу или чей-то флирт, полагая эти темы слишком незначительными по сравнению с ее скорбью. Время, проведенное Эмили дома, когда она писала письма, играла на пианино или занималась бесконечным шитьем, было неиссякаемым источником раздражения и недовольства.

Естественно, Шарлотта пригласила Эмили на Рождество – с Эдвардом, для которого детское общество будет самым лучшим подарком.

Но что будет после Рождества? Эмили придется вернуться в городской дом Эшвордов, в одиночество и невыносимую скуку.

По правде говоря, как бы сильно ни любила Шарлотта свой дом и детей, но шесть месяцев безвылазного сидения дома подействовали бы даже на нее. Она спросила Томаса о его новом деле не просто из супружеского участия – в ее интересе присутствовала и жажда приключений.

На следующий вечер она подготовилась тщательнее. После ужина они уселись у камина в гостиной; дети давно спали, а Шарлотта шила украшения в виде бабочек для рождественской елки.

– Томас, – небрежно заметила она. – Если твое новое дело несерьезное – просто формальность, как ты выразился, – ты, наверное, сможешь отложить его, пока не пройдет Рождество? – Она не поднимала головы, внимательно следя за нитью и тонкой тканью, которую шила.

– Я... – Питт помялся. – Думаю, дело серьезнее, чем казалось вначале.

Шарлотта с огромным трудом сдерживала любопытство.

– Интересно. Как это?

– Ограбление, которое трудно понять.

– О. – На этот раз не было нужды притворяться безразличной. В ограблениях нет ничего личного, а потеря имущества Шарлотту не интересовала. – И что же украли?

– Две миниатюры, вазу, пресс-папье и первое издание книги, – ответил он.

– И что же тут непонятного? – Подняв голову, она увидела, что муж улыбается. – Томас? – Шарлотта сразу же поняла, что в деле присутствует какая-то тайна или страсть.

– Сын хозяев дома застал грабителя на месте преступления и был убит. – Питт не отрывал от жены задумчивого взгляда. Его забавляло любопытство Шарлотты и ее попытки скрыть его, хотя он отдавал должное ее проницательности. – И ничего из украденного не всплыло, – закончил он.

– Да? – Шарлотта не заметила, как шитье выскользнуло из ее рук и упало на пол. – Томас!

Он уселся в кресло, устроился поудобнее, скрестив ноги, и рассказал все, что знает, не забыв о предостережении Балларата, что надо быть осторожным, об угрозе репутациям и о потере документов в Министерстве иностранных дел.

– Потере? – скептически повторила Шарлотта. – Ты хотел сказать, краже?

– Не знаю. И вряд ли когда-нибудь узнаю. Если документы действительно крали, то с них снимали копии, а не уносили с собой. Если Роберт Йорк хранил документы дома, вполне возможно, что грабитель охотился именно за ними, а остальные вещи взял для того, чтобы скрыть этот факт. Но, скорее всего, дело в другом.

Шарлотта подняла шитье и положила на столик у окна, чтобы не потерять иголку.

– Но что, ради всего святого, хочет от тебя Министерство иностранных дел? – настаивала она. – Если там есть шпион, разве его не следует поймать, независимо от того, убивал ли он Роберта Йорка?

– Рискну предположить, что его и поймали, – уныло заметил Томас. – И Министерство иностранных дел не желает, чтобы об этом стало известно. На самом деле они хотят, чтобы мы проверили их ловкость, убедились, что утерянная информация надежно спрятана. Нашей репутации в мире будет нанесен серьезный урон, если такие вещи станут известны широкой публике. А может, ничего и не пропадало.

– Ты в это веришь?

– Нет. Но это могла быть неосторожность, а не предательство.

– Что ты собираешься делать с убийством Роберта Йорка? Ведь кто-то же его убил.

– Расследовать ограбление, насколько это возможно, – пожав плечами, ответил Питт.

– А как выглядит вдова? – Шарлотта не хотела оставлять эту тему. Здесь должно быть нечто интересное, чем можно увлечь Эмили.

– Не знаю. У меня еще не было повода нанести ей визит, не вызывая подозрений, а Министерство иностранных дел как раз хочет этого избежать. Сразу появятся разного рода неприятные вопросы. В последнее время ты не упоминала Джека Рэдли. Эмили все еще поддерживает с ним отношения?

Эта тема Шарлотте была гораздо ближе, и она приготовилась ради нее оставить малообещающую загадку. Джек Рэдли сначала считался второстепенным лицом, человеком, с которым флиртowała Эмили, чтобы доказать Джорджу, что она может быть не менее очаровательной и неотразимой, чем ее соперница. Но по мере того как продвигалось расследование, он превратился в главного подозреваемого. В конце концов выяснилось, что Джек – верный друг, гораздо менее поверхностный и эгоистичный, чем считала Эмили, руководствовавшаяся его репутацией. У него не было ни денег, ни перспектив. Первое, что приходило в голову, – он ухаживает за Эмили из-за наследства, доставшегося ей после смерти Джорджа. Все знали, что Джек нравится женщинам, а тщеславие могло толкнуть его на убийство Джорджа, чтобы затем очаровать Эмили и жениться на ней.

Он оказался непричастен к преступлению, но общество не считало его подходящим претендентом на руку Эмили – естественно, когда придет время. Их мать была бы в ужасе!

Все это не очень беспокоило Шарлотту: что бы люди ни думали, все равно это не хуже, чем то, что они думали о самой Шарлотте, вышедшей замуж за полицейского! Джек Рэдли беден, но он джентльмен; полицейские же едва ли считались выше судебных приставов и крысоловов. Однако способен ли Джек Рэдли любить? Полагать, что любому доступно это чувство, если только найдется подходящий объект, было бы романтической ошибкой, которую так легко совершить. Многие люди хотят просто комфорта – иметь дом, положение в обществе, детей, новых родственников, – но не желают делить с другим человеком свои мысли и свободное время, а самое главное, не желают раскрывать свой внутренний мир, в котором живут мечты, боясь оказаться беззащитными. Они ни за что не станут рисковать. Благородство души им заменяет безопасность. Никаких искренних чувств, если за них придется платить. Если Джек Рэдли – независимо от очарования и ума, приятных манер и дружеского отношения – принадлежит к этой породе людей, то в конечном счете он принесет Эмили одни страдания. А Шарлотта сделает все, что в ее силах, чтобы не допустить этого.

– Шарлотта? – Питт прервал течение ее мыслей, и она вздрогнула. Ответ был важен и для него. Томас очень любил Эмили и понимал, как она будет страдать, если невысказанные опасения Шарлотты оправдаются.

– Думаю, да, – поспешно сказала она. – В последнее время мы редко о нем говорили. Обсуждали в основном рождественские праздники. Эмили привезет гуся и пудинги с начинкой.

Томас опустилсЯ в кресле чуть ниже и вытянул ноги к огню.

– Думаю, ты хочешь поиграть в детектива, – он посмотрел на нее сквозь опущенные ресницы. – Но лучше потренируй свою логику на Джеке Рэдли, а не фантазируй по поводу миссис Йорк.

Шарлотта не стала спорить. Муж, несомненно, прав, и хотя он выразился мягко, это прозвучало как приказ. За его непринужденной позой и небрежным тоном чувствовалось беспокойство.

Тем не менее Шарлотта твердо решила соединить одно с другим. Она не видела лучшего предложения чаще видеться с Эмили, чем, как выразился Томас, потренировать свою логику и вовлечь ее в новое расследование. На Рождество серьезные дискуссии и размышления будут практически невозможны, но потом, когда Шарлотта нанесет визит сестре, у нее появится шанс самой понаблюдать за Джеком Рэдли и составить о нем мнение, не привлекая внимания.

Поэтому на следующее утро, когда приехала Эмили – это было часов в одиннадцать, – Шарлотта уже приготовилась и составила план. Эмили прошла прямо на кухню – широкое пальто из черной баратеи³ с воротником из чернобурки, доходившим до подбородка, волосы убраны под широкополую черную шляпу. Шарлотта почувствовала укол зависти: дорогое пальто выглядело очень элегантно. Но затем вспомнила причину, по которой сестра носит черное, и устыдилась. Эмили была бледной, если не считать покрасневшихся от ледяного ветра щек; под глазами у нее залегли серые тени, и кожа в этих местах выглядела сухой и тонкой, похожей на бумагу. Шарлотта без слов поняла, что сестра нервничает и слишком мало спит. Скука – не самое тяжелое испытание, но и она может лишить сил. Рождество быстро закончится, и что Эмили будет делать потом?

– Выпей чашку чаю, – предложила Шарлотта и, не дожидаясь ответа, повернулась к большой кухонной плите. – Ты когда-нибудь была в Хановер-клоуз?

Эмили сняла пальто и села за кухонный стол, поставив локти на исцарапанную деревянную поверхность. Ее платье было не менее элегантным, чем пальто, хотя сидело не так хорошо, как прежде.

– Нет, но я знаю, где это. А что? – Вопрос был задан чисто из вежливости.

Шарлотта решила, что не стоит ходить вокруг да около.

– Там произошло убийство.

– В Хановер-клоуз? – Теперь Эмили явно заинтересовалась. – Боже правый. Это очень необычно. Люди с таким вкусом – и деньгами... Кого убили?

– Роберта Йорка. Он служит в Министерстве иностранных дел... то есть служил.

– Как его убили? Я ничего об этом не читала.

Обычно дамы из того круга, в котором вращалась Эмили, вообще не читали газет, разве что страницы светской хроники и протокольных мероприятий двора. Но в отличие от их отца Джордж терпимо относился к таким вещам – если только Эмили не оскорбляла людей, обсуждая их. И, естественно, после смерти мужа она делала все, что ей хочется.

Шарлотта налила кипятка в заварочный чайник и поставила его на стол вместе с кувшином сливок и двумя лучшими чашками.

– Убийство произошло три года назад, – как можно небрежнее заметила она. – Томаса попросили заново открыть это дело, потому что вдова собралась замуж, за кого-то еще из Министерства иностранных дел.

– Она уже обручена? – Эмили насторожилась. – Я не видела объявления о помолвке, хотя всегда читаю светскую хронику. Это единственный способ для меня что-то узнать. Никто мне ничего не рассказывает, словно отношения между мужчинами и женщинами – нечто такое, о чем мне не следует напоминать. – Ее пальцы непроизвольно сжались в кулак.

От Шарлотты не укрылась нервная реакция сестры.

– В том-то все и дело, – поспешно сказала она. – Томаса попросили проверить, подходящая ли она кандидатура для такой важной персоны, как мистер Данвер – вернее, он станет важной персоной, когда получит повышение. – Шарлотта раздраженно фыркнула.

– А что, есть сомнения? – спросила Эмили. – Пожалуйста, налей чаю, я умираю от жажды. У нее сомнительная репутация? Как жаль, что я ничего не знаю. Меня изолировали, словно прокаженную. Половина моих знакомых смущаются при встрече со мной, а остальные сидят с печальным видом и говорят шепотом, как будто я сама при смерти. – Она громко шмыгнула носом и полезла в сумочку за носовым платком. Причиной была не жалость к себе, а резкий переход к теплу кухни после холодного воздуха экипажа.

Шарлотта покачала головой.

³ Баратея – шерстяная материя, иногда с примесью шелка или бумаги.

– Нет, мне ничего об этом не известно, но само преступление очень странное. – Она налила чай и подвинула Эмили чашку вместе с ломтиком свежего имбирного пирога, который был с благодарностью принят. – Необъяснимое, – прибавила она и поведала Эмили все, о чем ей рассказал Питт.

– Очень странно, – согласилась сестра. – Возможно, у нее был любовник и произошла ссора. Думаю, именно это и должен выяснить Томас, но Министерство иностранных дел не решается сказать об этом прямо, чтобы слухи не дошли до мистера Данвера, который будет в ярости. И, разумеется, у него сложится ужасное предубеждение; подобные подозрения навсегда лишат его душевного спокойствия.

– И ее тоже! – с жаром прибавила Шарлотта. – Если это неправда, то случится ужаснейшая несправедливость. Я не представляю, как Томас будет проводить расследование. Вряд ли полицейские осмелятся спрашивать о таких вещах ее знакомых.

– Моя дорогая Шарлотта, – улыбнулась Эмили. – Не трать столько сил. Ты жутко прямолинейна, даже для себя самой. Разумеется, мы все выясним. Шесть месяцев мы только и делали, что вышивали и пекли пироги, и мне все это до смерти надоело. Мы должны подтвердить безупречную репутацию Вероники Йорк или окончательно разрушить ее. С чего начнем?

Шарлотта предвидела трудности, которые ждут их на этом пути. Эмили уже не могла так же свободно вращаться в обществе, как при жизни Джорджа; сама же Шарлотта была женой полицейского и не имела ни денег, чтобы купить соответствующие наряды, ни подруг, которым можно было бы наносить визиты. Оставалась одна надежда – Веспасия, двоюродная бабушка Джорджа. Она поймет и не откажется помочь, но ей уже за восемьдесят, и после смерти Джорджа она уже не принимала такого активного участия в общественной жизни. Тетуська Веспасия имела твердые убеждения и верила, что битву с бедностью и несправедливостью можно выиграть при помощи законодательной реформы. В настоящее время она боролась за улучшение условий труда на фабриках, использовавших труд детей, особенно младше десяти лет.

Шарлотта долила себе чай и отхлебнула из чашки.

– Ты по-прежнему поддерживаешь отношения с Джеком Рэдли? – спросила она, стараясь, чтобы вопрос звучал непринужденно, словно был как-то связан с трудностями Вероники Йорк.

Эмили снова потянулась за имбирным пирогом.

– Джек время от времени наносит мне визиты. Думаешь, он станет нам помогать? – Она отрезала большой ломоть пирога и откусила кусок, словно была очень голодна.

– Возможно, он сумеет нам помочь – организовать встречу, – предположила Шарлотта.

– Не нам. – Эмили состроила гримасу. – Тебе. – Она долила себе чай, расплескав на скатерть, и выругалась, использовав слово, которое слышала от Джорджа на конюшне. Шарлотта понимала, что реакция сестры не имеет отношения к пролитому чаю; Эмили злило заточение, на которое ее обрекал траур, а главное, одиночество.

– Я понимаю, что в этот раз мне придется действовать одной, – согласилась Шарлотта. – А ты будешь меня инструктировать. Я соберу информацию, какую только смогу, и вдвоем мы докопаемся до истины.

Конечно, лучше присутствовать при разговоре самой, улавливая оттенки интонации, выражение лица, косой взгляд, но Эмили понимала, что идея Шарлотты – это большее, на что можно надеяться, и была благодарна сестре. Благородная дама должна подождать, пока Джек Рэдли нанесет ей визит. Ждать долго не придется – еще шесть месяцев назад он выразил свое восхищение и за прошедшее время много раз навещал ее. Сомневалась Эмили не в глубине его чувств, а в их характере. Он был внимателен к ней потому, что испытывает к ней симпатию, или потому, что она вдова Джорджа, унаследовавшая его деньги и положение в обществе? Эмили нравилось его общество – больше, чем общество других мужчин, – и это вызывало у нее подозрение. Велико ли расстояние от «нравиться» до «любить»?

Когда она выходила замуж за Джорджа, тот был желанной добычей. Эмили прекрасно знала его слабости, но считала их неотъемлемой частью сделки и относилась к ним снисходительно. Он, в свою очередь, оправдал все ее надежды и никогда не критиковал ее недостатки. То, что начиналось как взаимопонимание, переросло в нечто более глубокое. Первое впечатление Эмили о нем: красивый, бесшабашный лорд Эшворд, идеальный муж. Но со временем ее чувства к Джорджу трансформировались в нежную, преданную любовь, и она уже видела его истинную сущность – человека, разбиравшегося в спорте и в финансах, очаровательного собеседника, лишенного даже намека на двуличие. Ей хватало мудрости скрывать тот факт, что она была и умнее, и храбрее его. А еще она была менее терпимой и более резкой в суждениях и оценках. Джордж быстро выходил из себя, но так же быстро успокаивался; он не замечал недостатки собственного класса и прощал другим людям их слабости. В отличие от нее. Несправедливость раздражала ее, причем гораздо сильнее, чем в молодости. С возрастом Эмили становилась все больше похожа на Шарлотту, которая по поводу всего имела свое мнение, отличалась нетерпением и боролась с тем, что считала несправедливым, хотя ее выводы иногда бывали поспешными, продиктованными искренним чувством. Эмили отличалась большей рассудительностью – по крайней мере до сих пор.

Сегодня она села и написала письмо Джеку Рэдли, пригласив его нанести ей визит при первом же удобном случае, и, запечатав конверт, сразу же отправила с ним лакея.

Ответ пришел быстро, что доставило ей удовольствие. Джек приехал ранним вечером, в тот час, когда (в лучшие времена) Эмили одевалась, чтобы отправиться на званый ужин, на бал или в театр. Теперь же она сидела у камина и читала «Странную историю доктора Джекила и мистера Хайда» Роберта Стивенсона, вышедшую в свет в прошлом году. Эмили обрадовалась, что ее занятие прервали: история оказалась мрачной, гораздо страшнее, чем она предполагала, с элементами трагедии. Книга была завернута в коричневую бумагу – чтобы не смущать слуг.

Джек Рэдли появился через секунду после того, как горничная объявила о его приходе. Одет он был небрежно, но портной явно занимал одну из первых строк в списке его кредиторов. Покрой брюк безупречен, сюртук сидит как влитой. Но главное – это его улыбка и эти милые глаза, в которых читалось беспокойство.

– Эмили, с вами все в порядке? – спросил он, вглядываясь в ее лицо. – Ваша записка меня встревожила. Что-то случилось?

Она почувствовала себя глупо.

– Простите. Ничего срочного, и со мной все в полном порядке. Спасибо. Но мне безумно скучно, а Шарлотта раскопала одну загадку. – Лгать ему не было смысла; он слишком похож на нее, и его не проведешь.

Лицо Рэдли расслабилось, на губах появилась улыбка. Он сел в кресло напротив хозяйки.

– Загадку?

Эмили старалась, чтобы ее голос звучал бесстрастно, внезапно сообразив: Рэдли может подумать, что это предлог, дабы пригласить его.

– Старое убийство, – поспешила объяснить она, – которое может вызвать скандал, а может и не вызвать, но тогда пострадает невинная женщина, которая не сможет выйти замуж за человека, которого любит.

Джек был явно озадачен.

– Но что вы можете сделать? И какая от меня польза?

– Разумеется, полиция может много узнать. Факты, – пояснила Эмили. – Но они не способны сделать из этих фактов те же выводы, что и мы, потому что все это страшная тайна. – Заметив его интерес, она воодушевилась. – И, конечно, с полицией никто не будет разговаривать так, как с нами, а если и будет, полицейские все равно не поймут намеков и тончайших нюансов.

– Но как мы сможем наблюдать за этими людьми? – серьезно спросил Джек. – Вы не назвали их имен... И независимо от этого, вам самим пока нельзя появляться в обществе. – Его лицо напряглось, и в глазах мелькнула жалость. Эмили поморщилась – она приняла бы жалость от кого угодно, но со стороны Джека это чувство почему-то вызывало раздражение, как царапина на коже.

– Знаю! – с жаром воскликнула она и тут же пожалела о горечи, проступившей в ее словах, но ничего не могла с собой поделать. – Но Шарлотте можно, и все, что она узнает, мы обсудим вместе. По крайней мере, если вы согласитесь ей помочь.

Джек улыбнулся, но улыбка вышла немного печальной.

– Я мастер добывать сведения у знакомых. Кто они?

Эмили вглядывалась в лицо Рэдли, стараясь прочесть, что оно выражает. Густые ресницы отбрасывали тень на его щеки – точно так же, как прежде. Интересно, сколько женщин замечали это? Нет, она ведет себя глупо. Шарлотта права: ей нужно чем-то занять мозг, а то совсем отупеет!

– Убитый – это Роберт Йорк, – сообщила Эмили. – Вдова – миссис Вероника Йорк из Хановер-клоуз.

Она умолкла. Рэдли широко улыбнулся.

– Это совсем не трудно, – уверенно заявил он. – Я знаком с ней. На самом деле... – Джек замаялся, вероятно, сомневаясь, до какой степени можно быть откровенным.

Эмили почувствовала укол ревности – непривычное чувство. Она понимала, что это ужасно глупо. Его репутация известна всем. В любом случае Эмили никогда не тешила себя иллюзиями. Она твердо знала, что мужчины предъявляют к себе совсем другие требования, нежели к женщинам. Единственное, что требовалось, – не переступать черты, когда окружающие уже не смогут делать вид, что ничего не происходит; подозрения никого не интересуют. Все реалисты это понимают. Благоразумная слепота – единственный способ сохранить душевный покой. Но именно эти правила все больше раздражали Эмили, хоть она и понимала, что ее чувства глупы и в высшей степени непрактичны.

– Ваше расставание позволит возобновить знакомство? – сухо спросила она.

Его лицо вытянулось.

– Конечно!

Эмили опустила взгляд, не желая, чтобы он догадался о ее чувствах, таких же неприятных, как истина.

– Значит, вы согласны этим заняться? Вместе с Шарлоттой? Как вы сами выразились, для меня это невозможно.

– Разумеется, – медленно произнес Джек, не сводя с нее пристального взгляда – Эмили это чувствовала. – Но одобрит ли это Питт? И я вряд ли могу представить Шарлотту в обществе как жену полицейского. Нужно придумать что-то более подходящее.

– Томасу знать не обязательно. Шарлотта может сначала приехать ко мне, взять какое-нибудь платье и поехать с вами в качестве... – Она призвала на помощь свое воображение. – Деревенской кузины. Двоюродная сестра, так что вам будет прилично сопровождать ее.

– А она согласится? – Судя по тону, Рэдли заинтересовался; в его вопросе не чувствовалось недоверия. Возможно, он вспомнил Кардингтон-кресент⁴.

– О, да, – заверила его Эмили. – Вне всякого сомнения.

Два дня спустя Шарлотта, одетая в одно из зимних платьев Эмили, оставшееся с прошлого сезона и слегка перешитое – этой зимой Эмили носила только черное, – сидела в красивом экипаже, ехавшем по Парк-лейн в направлении Хановер-клоуз. Рядом сидел Джек Рэдли. Он отправился в дом Йорка сразу же после расставания с Эмили, оставил там свою визитную

⁴ Там произошло убийство лорда Эшворда, в раскрытии которого главную роль сыграла Шарлотта.

карточку и попросил разрешения представить свою кузину, мисс Элизабет Барнаби, которая недавно приехала из деревни, где ухаживала за тяжелобольной теткой, к счастью, выздоровевшей. Теперь мисс Барнаби нужно было немного отвлечься, и по этой причине Джек обращался к старым знакомым в надежде ввести родственницу в общество.

Ответ был кратким, но крайне любезным, что вполне достаточно для визита.

Шарлотта плотнее обернула колени пледом. В экипаже было очень холодно, а на улице лил дождь; струи воды кинжалами пронзали придорожные канавы, шипели под колесами, брызгами разлетались во все стороны. Кожаная обивка внутри стала влажной на ощупь; отсырели даже оконные рамы. Платье Эмили сидело превосходно – служанка немного расширила талию и на дюйм удлинила рукава – и как нельзя лучше подходило для молодой женщины, недавно приехавшей из деревни: не подержанное, но и не последний крик моды, не предназначенное для выхода в свет. Но Шарлотта все равно мерзла.

Экипаж остановился. Шарлотта посмотрела на Джека Рэдли, сидевшего рядом с ней, и сглотнула; ее бил нервная дрожь. Она поступает безрассудно. Питт очень рассердится, если узнает, а шанс натолкнуться на знакомого вполне реален. Она может совершить ошибку, просто проговориться или встретить кого-то, кто знал ее до замужества, когда она еще вращалась в этих кругах.

Дверца открылась, и Джек протянул ей руку, чтобы помочь сойти на землю. Шарлотта выбралась из экипажа, морщась от колючих струй дождя. Предстоящий визит вызывал похожие чувства, но не могла же она остаться внутри и заявить, что передумала. На одной части весов лежали осторожность и предчувствие гнева Томаса, а на другой – радостное волнение, которое она испытывала, когда вместе с Эмили обсуждала план.

Шарлотта еще пребывала в нерешительности, когда парадная дверь открылась и Джек протянул горничной визитную карточку со своим именем и надписью от руки: «И мисс Элизабет Барнаби».

У горничной были белая кожа и темные волосы. Хорошенькая девушка с широко расставленными глазами и осиной талией – ничего удивительного, поскольку служанок выбирали по внешности. Красивая горничная считалась признаком высокого положения и вкуса.

Шарлотта даже не успела как следует рассмотреть холл – заметила только, что он просторный. Лестница была широкой и красивой, с изящными резными балясинами, а люстра ярко сверкала, разгоняя полумрак зимнего вечера.

Их проводили в салон. Времени разглядывать картины и мебель у Шарлотты не было – ее внимание привлекли две женщины, сидевшие друг напротив друга на мягких диванах с обивкой красного цвета. Та, что помоложе – наверное, Вероника Йорк, – была высокой и, похоже, слишком худой по нынешним меркам, но с необыкновенно женственными плечами и шеей. Мягкие темные волосы подняты вверх, открывая красивый лоб, точеные черты лица, слегка впалые щеки и удивительно чувственные губы.

У старшей были густые, вьющиеся волосы светло-каштанового цвета; такие мелкие завитки не могли быть созданы с помощью бигуди или щипцов – только природой. Она казалась гораздо ниже ростом, чем другая женщина. Более плотного телосложения, она тем не менее была очень мила в своем украшенном вышивкой платье, сшитом по последней моде. Правильные черты лица указывали на то, что в молодости она была красавицей. Она лишь недавно утратила былую красоту – морщин на бело-розовой коже немного, да и те вокруг рта, а не около глаз. Волевое лицо невольно приковывало взгляд. Скорее всего, это Лоретта Йорк, мать убитого. По словам Томаса, именно она с таким достоинством держалась в ту трагическую ночь.

Как хозяйка дома, она приветствовала их и, склонив голову, протянула руку Джеку.

– Добрый день, мистер Рэдли. Очень мило, что вы зашли и привели с собой кузину. – Она повернулась к Шарлотте и окинула ее внимательным взглядом. – Мисс Барнаби, если я не ошибаюсь?

Шарлотта постаралась принять невинный вид, как она себе его представляла, и присела в реверансе.

– Здравствуйте, миссис Йорк. Вы так добры, что приняли нас.

– Надеюсь, вы поживаете так же хорошо, как выглядите, мэм. – Лесть Джека была автоматической, обычный обмен любезностями – почти всю свою взрослую жизнь он с успехом пользовался своим очарованием. – Вы заставляете меня забыть о зиме за окном и о нескольких годах, прошедших после нашей последней встречи.

– Ваши манеры ничуть не изменились, – с легкой насмешкой ответила миссис Йорк, но щеки ее раздвинулись от удовольствия. Сколько бы она ни протестовала и ни называла комплименты банальностью, но все равно ничего не могла с собой поделать. – Вы, конечно, знакомы с моей невесткой. – Она указала на молодую женщину, едва удостоив ее взглядом.

– Конечно. Я был очень опечален, узнав о вашей утрате, и надеюсь, что будущее принесет вам счастье.

– Спасибо. – Слабая улыбка тронула уголки губ Вероники Йорк. Присмотревшись внимательнее, Шарлотта увидела, что между женщинами быстро установилось понимание – видимо, уже существовавшее прежде и возродившееся безо всяких усилий. В голову пришла мысль об Эмили, но Шарлотта тут же отбросила ее. Всему свое время.

Вероника смотрела мимо Джека на Шарлотту, оценивая покрой ее платья, соответствие моде, стоимость – в точности как Лоретта. Шарлотта была довольна, что одежда должным образом передает ее положение в обществе: деревенская женщина, несколько отошедшая от общества из-за долга милосердия, но из хорошей семьи и с более чем достойными средствами.

– Надеюсь, вам понравится Лондон, – вежливо сказала Вероника. – Здесь вы сможете отвлечься, но, разумеется, вам следует быть осторожной, поскольку в городе легко оказаться в неподходящей компании или в неприятных местах, что было бы неразумно в вашем положении.

Шарлотта воспользовалась представившейся возможностью.

– Вы очень добры, миссис Йорк. Я обязательно последую вашему совету. Репутацию женщины так легко разрушить.

– Совершенно верно, – согласилась Лоретта. – Садитесь, пожалуйста, мисс Барнаби.

Шарлотта поблагодарила и осторожно опустилась на стул с жесткой спинкой и расправила юбку. На мгновение ее охватило неприятное чувство – она вспомнила, как до замужества часто оказывалась в подобных ситуациях. Мать сопровождала ее на подобные мероприятия, выставляя напоказ в надежде привлечь достойного мужчину и выдать замуж. Заканчивалось это всегда одинаково: Шарлотта либо высказывалась чересчур независимо, либо смеялась слишком искренне, либо была капризной и не выказывала должного шарма, зачастую сознательно. Но тогда она думала, что влюблена в мужа старшей сестры, и мысль о браке с кем-то другим была ей просто невыносима. Как это было давно и как по-детски! Тем не менее Шарлотта прекрасно помнила бесконечные напоминания о хороших манерах, стремление не отстать от моды и усилия по поиску мужа.

– Вы уже бывали в Лондоне, мисс Барнаби? – спросила старшая мисс Йорк. Ее холодные серые глаза внимательно рассматривали изящную фигуру Шарлотты, отмечая крошечные дырочки от иголки в том месте, где распускали лиф платья.

Но Шарлотта не обращала внимания. Это всего лишь часть игры. Она должна внимательно наблюдать, чтобы затем обо всем рассказать Эмили.

– О да, но довольно давно, из-за болезни тетушки. Слава богу, она поправилась, и теперь я снова могу быть самой собой. Однако мне кажется, я много пропустила. В обществе столько всего случилось.

– Вне всякого сомнения. – Миссис Йорк слабо улыбнулась. – Хотя события повторяются год от года – меняются только имена.

– Думаю, люди тоже стали совсем другими, – возразила Вероника. – А уж театр – в этом нет сомнения.

Миссис Йорк бросила на невестку взгляд, выражение которого не укрылось от Шарлотты: жесткий, осуждающий.

– Ты почти ничего не знаешь о театре, – заметила она. – Ты только в этом году стала ходить на спектакли. – Она повернулась к Шарлотте. – Моя невестка недавно овдовела. Естественно, она соблюдала траур, который закончился совсем недавно.

Шарлотта уже решила, что будет изображать полное неведение о преступлении в Хановер-клоуз и обо всем, что с ним связано. Она придала своему лицу выражение сочувствия.

– Мне очень жаль. Пожалуйста, примите мои глубочайшие соболезнования. Я бы не стала вас беспокоить, если бы знала. – Она повернулась к Джеку, который старательно избегал ее взгляда.

– Прошло три года, – нарушила неловкое молчание Вероника. Она не смотрела на свекровь. Ее взгляд опустился на роскошную бордовую парчу юбки, потом вернулся к Шарлотте. – Мы снова начинаем жить.

– Ты, – мягко, но в то же время вполне настойчиво подчеркнула миссис Йорк.

Ее переполняли чувства, но она делала все возможное, чтобы Шарлотта этого не заметила. Она напоминала молодой женщине, что для нее потеря сына невосполнима, а горе матери сильнее страданий жены, потерявшей супруга. Неужели это означает, что Вероника снова собралась замуж? Похоже, на лице Лоретты отразилось не только сочувствие к молодой женщине или даже зависть и жалость к самой себе. Ее маленькие белые руки с сильными пальцами лежали на коленях, глаза сверкали. Не будь эта мысль такой абсурдной, Шарлотта восприняла бы ее пронизывающий взгляд как угрозу. Но это было необоснованное и неточное наблюдение.

Уголки полных губ Вероники изогнулись в слабой улыбке. От нее не укрылся смысл замечания свекрови.

– Действительно, мистер Рэдли, вы можете меня поздравить. – Она подняла взгляд на гостя. – Я снова выхожу замуж.

Шарлотта мысленно отметила, что отношения Вероники Йорк и Джека Рэдли выходят за грань просто дружбы – по крайней мере, с ее стороны.

Джек улыбнулся, словно для него это был приятный сюрприз.

– Желаю вам счастья и удачи.

– Я тоже, – присоединилась к нему Шарлотта. – Надеюсь, вся печаль останется в прошлом.

– Вы слишком романтичны, мисс Барнаби. – Брови миссис Йорк слегка приподнялись.

Она почти улыбалась, но в ее словах явно чувствовалась холодность, какая-то затаенная обида. Возможно, старая рана, и с этим ничего нельзя было поделать. Никто не знает, какая боль, разочарование или утраченные надежды кроются в душе человека. Шарлотта подумала, что нужно обязательно встретиться с почтенным Пирсом Йорком; возможно, этот разговор прольет свет на то, о чем она теперь только догадывается.

Она постаралась, чтобы ее улыбка вышла очаровательной.

– Да, наверное. Но даже если действительность не всегда совпадает с желаниями, я надеюсь на лучшее. – Не переборщила ли она с наивностью? Но было бы обидно просидеть тут полчаса, как того требовали приличия, и откланяться, ничего не узнав. До следующего визита ждать придется довольно долго.

– Я тоже, – заверила его Вероника. – И вы очень добры. Мистер Данвер чудесный человек, и я уверена, что буду с ним счастлива.

– Вы рисуете, мисс Барнаби? – спросила миссис Йорк, резко меняя тему разговора. На этот раз на Веронику она не смотрела. – Мистер Рэдли может отвести вас на зимнюю выставку в Королевской академии живописи. Осмелюсь предположить, вам будет интересно.

– Я не очень хорошо рисую.

Пусть сами решают, скромность это или правда. Как и всех юных леди благородного происхождения, Шарлотту учили рисовать, но ее кисть не поспевала за воображением. После замужества и рождения двух детей ее единственное увлечение – вмешиваться в дела Томаса и расследовать преступления. У нее обнаружился талант детектива – даже муж не спорил с этим, – но теперь она вряд ли могла в этом признаться!

– Я и не предполагала, мисс Барнаби, что вы примете участие. Просто посмотрите, – ответила миссис Йорк и взмахнула рукой. Пренебрежительный жест обидел Шарлотту, но в роли мисс Барнаби она не могла дать отпор. – Тут не требуется никакого мастерства, разве что элегантно выглядеть и быть скромной в своих речах. Я уверена, вы оба без труда справитесь с этой задачей.

– Вы очень добры, – сквозь зубы пробормотала Шарлотта.

Вероника наклонилась вперед. Она была по-настоящему красивой женщиной; в ее лице удивительным образом сочеталась тонкость черт с решительным взглядом и упрямым изгибом губ. Держалась она дружелюбно, как с давней знакомой. Шарлотта вдруг поняла: ей хочется, чтобы Питт подтвердил незапятнанную репутацию молодой женщины, удовлетворив Министерство иностранных дел. Мысль о подозрениях насчет Вероники была ей неприятна.

– Если хотите, можете пойти со мной, – предложила Вероника. – Я буду рада вашему обществу. Мы сможем говорить все, что захотим, и откровенно высказать свое мнение о том, что нам нравится или не нравится. – Она не смотрела на свекровь, но слегка приподняла изящное плечо, словно предупреждая возражения.

– С удовольствием, – искренне сказала Шарлотта. Она видела, как закашлялся сидевший на соседнем стуле Джек и достал платок, чтобы скрыть улыбку.

– Значит, договорились, – решительно заявила Вероника. – Моя свекровь не очень любит такие мероприятия. Уверена, она будет благодарна за возможность пропустить выставку в этом году.

– Я много раз сопровождала тебя в такие места, которые не доставляли мне особого удовольствия. – Миссис Йорк холодно посмотрела на Веронику. – И, вне всякого сомнения, буду сопровождать и дальше. Семейные обязанности никогда не заканчиваются, и никому не позволено ими пренебрегать. Уверена, вы со мной согласитесь, мисс Барнаби?

Она обращалась к Шарлотте, но ее взгляд сначала остановился на Веронике, а затем скользнул в сторону, и выражение лица почти неуловимо изменилось. У Шарлотты вдруг возникло ощущение, что женщины недолюбливают друг друга – если не сказать больше.

Вероника напрялась – это было заметно по длинной шее, изящной линии горла, чувственным губам. Она промолчала. Шарлотта не сомневалась, что они говорят о чем-то другом и, несмотря на напряжение и скрытую неприязнь, прекрасно понимают друг друга.

– Разумеется, – пробормотала Шарлотта. В конце концов, последние два года она якобы ухаживала за больной родственницей. Разве от незамужней женщины можно требовать большей жертвы, даже из чувства долга? – Семейно скрепляют любовь и обязанности.

Шарлотта понимала, что скоро наступит пора прощаться. Требовалось еще одно, последнее усилие, чтобы узнать нечто более глубокое, чем это ощущение беды. Незаметно, не поворачивая головы, она окинула взглядом комнату. Ее внимание привлекли бронзовые часы. Если уж ей приходится лгать, то можно и не стесняться.

– Ой, какие красивые часы, – с восхищением воскликнула она. – У моей кухни почти такие же, только чуть меньше и, как мне кажется, одна из фигурок одета по-другому. – Она изо всех сил старалась придать своим словам правдоподобие. – К сожалению, их унесли грабители. Такой ужас. – Не обращая внимания на страх, промелькнувший на лице Джека, Шарлотта продолжила: – И дело не только в украденных вещах. Это такое ужасное чувство – знать, что кто-то чужой проник в ваш дом и, возможно стоял в нескольких шагах от спальни, где вы спите!.. Прошло столько времени, прежде чем мы хоть немного восстановили душевное равновесие. – Сквозь опущенные ресницы Шарлотта внимательно вглядывалась в лица женщин. И была вознаграждена – прерывистым вздохом Вероники и тем, как напряглось тело миссис Йорк под складками роскошного шелка. – Разумеется, мы вызвали полицию. – Шарлотту было уже не остановить. – Но никого не нашли. И не вернули ни одну из дорогих нам вещей.

– Вам не повезло. – Голос миссис Йорк звучал тихо, но в нем чувствовалось странное напряжение, и слова она произносила отчетливо, словно боялась потерять над собой контроль. – Боюсь, сегодня это стало обычным делом. Никто не может чувствовать себя в безопасности. Будьте благодарны судьбе, мисс Барнаби, что вы лишились только вещей.

Шарлотта, несмотря на уколы совести, продолжала разыгрывать полное неведение. Она растерянно посмотрела на миссис Йорк. Джек уже притворился, что ничего не знает, и теперь не мог ничем помочь. Шарлотта видела, как побледнело лицо Вероники. Казалось, она хочет что-то сказать, но не находит слов. Вдова подняла глаза на свекровь, но, прежде чем их взгляды встретились, снова посмотрела в сторону.

Наконец старшая женщина нарушила напряженное молчание.

– Мой сын был убит грабителем, забравшимся в дом, мисс Барнаби. Нам до сих пор тяжело об этом говорить. Именно поэтому я и сказала: вам повезло, что вы лишились только вещей.

– Ой, простите! – воскликнула Шарлотта. – Мне очень жаль, я не хотела причинить вам боль. Какая я неловкая. – Она действительно чувствовала себя виноватой. Не все можно оправдать необходимостью раскрыть тайны, даже самые интригующие, или желанием помочь Эмили.

– Вы не могли знать, – хрипло сказала Вероника. – Не нужно себя винить. Уверяю, мы вас ни в чем не упрекаем.

– Уверена, что чувство такта не позволит вам вновь поднимать эту тему, – ровным голосом проговорила миссис Йорк, и Шарлотта почувствовала, как запылали ее щеки.

Вероника сразу же заметила ее смущение и поспешила на помощь.

– Не стоило этого говорить, мама. – В ее тоне сквозь укор проступала неприязнь, холодная и казавшаяся неуместной в этой роскошной и удобной комнате. Это не вспышка раздражения, а давнее чувство, внезапно прорвавшееся наружу. – Я уверена, что мисс Барнаби нельзя порицать за то, что она упомянула о собственном несчастье. Откуда ей знать о нашей... трагедии? Получается, что вообще нельзя ни о чем говорить, чтобы невзначай не вызвать у собеседника неприятные воспоминания.

– Именно это я и имела в виду. – Миссис Йорк пристально смотрела на невестку. Взгляд ее блестящих глаз был почти гипнотическим. – Если мисс Барнаби тактичный человек, какой я ее считаю, то, узнав о нашей утрате, она больше не будет затрагивать эту тему в нашем присутствии. Разве я неясно выразилась?

Вероника повернулась к Шарлотте и протянула руку.

– Надеюсь, вы еще нанесете нам визит, мисс Барнаби, а также пойдете вместе со мной в академию. Мое приглашение искренне, а не просто дань вежливости.

– С радостью. – Шарлотта нежно пожала протянутую руку. – Это будет для меня огромным удовольствием, и я его уже предвкушаю.

Она встала. Пора уходить; после такого разговора ничего другого не остается. Джек тоже поднялся. Они выразили свою благодарность, пожелали всего самого лучшего и через пять минут уже сидели в промерзшем экипаже, слушая стук копыт по мостовой и шум дождя. Шарлотта плотно завернулась в плед, но ничто не могло спасти ее от ледяных игл сквозняка. В следующий раз нужно взять у Эмили не только платье, но и меховую муфту!

– Полагаю, вы собираетесь в академию вместе с Вероникой? – после недолгого молчания спросил Джек.

– Конечно! – Шарлотта повернулась и посмотрела на него. – Вам не кажется, что между Вероникой и миссис Йорк происходит нечто такое, до чего полиции никогда не добраться? Я думаю, что они обе что-то знают о ночи ограбления, – только не могу представить, как это узнать нам.

Глава 3

Питт и не догадывался, что Шарлотта посетила Хановер-клоуз. Он знал и разделял ее тревогу за Эмили и полагал, что жена использует свои способности к логическому мышлению и дедукции для того, чтобы выяснить чувства Эмили к Джеку Рэдли и оценить его достоинства, если Эмили он действительно нравится. А если Рэдли окажется недостойным сестры, то Шарлотте предстоит непростая работа: разубедить Эмили или отвадить самого Рэдли. Питт подозревал, что потребуется все искусство Шарлотты, чтобы положить конец этим отношениям, не причинив Эмили лишних страданий. Поэтому он больше не упоминал при Шарлотте об ограблении и о смерти Роберта Йорка, а также не рассказывал ей о результатах своего расследования.

Балларат не называл точную причину повторного открытия дела. Неясно, то ли начальство надеялось спустя столько времени найти убийцу Роберта Йорка, то ли целью расследования было узнать истинный мотив преступления. Возможно, они хотели удостовериться, что это было обычное ограбление, закончившееся незапланированным убийством, раз и навсегда положить конец слухам о государственной измене. Или они действительно подозревали, что в этом как-то замешана Вероника Йорк, ставшая невольным катализатором преступления на почве страсти, замаскированного под ограбление? А может, они знают правду и просто хотят еще раз убедиться, что она надежно спрятана? Если полиция окажется бессильна, значит, можно успокоиться и считать, что никто никогда не докопается до этой правды?

Последняя версия Питту была особенно неприятна, и он, возможно, подвел начальство, выдвигая ее, однако инспектор был полон решимости проверить все варианты, пока не подготовит Балларату ответ, который невозможно опровергнуть или поставить под сомнение.

Начал он с украденных вещей и того странного факта, что ни одна из них не появилась в обычных для таких дел местах, несмотря на усиленные поиски полиции, не прекращавшиеся целый год. В регулярно проводимых допросах известных скупщиков краденого, ростовщиков и неразборчивых коллекционеров предметов искусства всегда упоминались украденные из дома Йорка предметы.

Но Питт проработал в городской полиции почти двадцать лет и знал людей, о которых Балларат даже не слышал, – скрытных, опасных людей, которые поддерживали с ним отношения из-за оказываемых поблажек, прошлых и будущих. Именно к ним он и отправился, пока Шарлотта организовывала свои визиты в гостиные Хановер-клоуз.

Питт покинул Боу-стрит и быстро пошел на восток, к Темзе, нырнув в обширный район трущоб, тянувшихся по берегу реки. Он проходил мимо перенаселенных покосившихся домов, темневших под низким небом и пропитанных затхлой сыростью, поднимающейся от медленной серовато-черной воды. Здесь не было роскошных экипажей с фонарями и лакеями, только простые фургоны, нагруженные товарами с пристани, и тележки с вялыми овощами, разложенными для продажи. Шагая по неровному булыжнику, Питт слышал, как гремел кастрюлями жестянщик и печальным пронзительным голосом кричал старьевщик: «Старые вещи! Старые вещи!» Звук копыт его лошади словно тонул в вязкой полутьме.

Питт шел быстро, сгорбившись и опустив голову. На нем были старые сапоги со стоптанными каблуками и грязная, порванная на спине куртка – эту одежду он держал для подобных визитов. Тонкий воротник был поднят до самых ушей, но струйка воды все равно стекала по шее на спину, словно ледяной палец, от которого по телу пробегала дрожь. Никто не обращал на него внимания, разве что уличный торговец иногда скользил по нему взглядом, надеясь продать свой товар. Однако Питт не был похож на человека, у которого водятся деньги. Отвернувшись, он углубился в переулки и проходы между жавшимися друг к другу домами, вспоминая о тепле дома.

Наконец Томас нашел нужную дверь с почерневшим от старости деревом и стертыми от бесчисленных прикосновений металлическими шляпками гвоздей. Он дважды постучал, сделал паузу и повторил стук.

Через пару секунд дверь приоткрылась дюймов на шесть – металлическая цепочка, звякнув, остановила ее движение. Было уже позднее утро, но дневной свет практически не проникал в эти узкие улочки; выступающие верхние этажи почти соприкасались, с карнизов все время лилась вода, отбивая неумолчный, неровный ритм. Пискнула пробежавшая мимо крыса. Кто-то выругался, споткнувшись о кучу мусора. Издалека снова донесся крик: «Старые вещи!», а от реки послышался гудок парохода. Питт почувствовал, как от запаха гнили к горлу подступает тошнота.

– Мистер Пинхорн, – тихо сказал он. – Я по делу.

После недолгой паузы в полутьме показалось пламя свечи. Но Томас все равно ничего не видел, только очертания большого носа и двух темных глазниц. Однако он знал, что Пинхорн открывает дверь сам, опасаясь, что помощники перехватят клиента и лишат его нескольких пенсов.

– Это вы, – недовольно пробормотал Пинхорн, узнав Питта. – Что нужно? У меня для вас ничего нет!

– Информация, мистер Пинхорн. И предупреждение.

Хозяин издал носом хлюпающий звук, потом сплюнул в темноту. Плевок выражал неопи-суемое презрение.

– Одно дело – ограбление, а другое – убийство, – с расстановкой произнес Питт, нисколько не обескураженный. Он знал Пинхорна больше десяти лет и другого приема не ожидал. – А еще бывает государственная измена, что гораздо хуже.

Ответом ему было молчание, но Томас понимал, что не стоит торопить события. Пинхорн уже сорок лет промышлял скупкой краденого и хорошо знал все риски своей профессии – в противном случае он не был бы до сих пор жив, пленник бедности, невежества и жадности. Он сидел бы в одной из королевских тюрем, таких как Колдбат-Филдс, где изнурительный труд и телесные наказания быстро истощили бы даже его мощное, жилистое тело.

Загремела отстегнутая цепочка, и дверь беззвучно распахнулась на смазанных маслом петлях.

– Входите, мистер Питт.

Пинхорн закрыл за ним дверь и повел по коридору, заваленному старой мебелью и пропитанному запахом плесени. Свернув за угол, они оказались в теплой – на удивление – комнате. Огонь в открытом очаге отбрасывал мерцающий свет на покрытые пятнами стены. Тяжелый красный ковер, явно трофей какого-то ограбления, лежал у огня между двумя плюшевыми креслами. Это было единственное свободное место в комнате. Все остальное пространство было заставлено едва различимыми в полутьме предметами: резными стульями, картинами, шкатулками, часами, кувшинами, вазами и стопками тарелок. В опасно наклонившемся зеркале красным глазом подмигивал огонь.

– Что вам нужно, мистер Питт? – снова спросил Пинхорн и с прищуром посмотрел на инспектора.

Это был крупный мужчина с бочкообразной грудью и круглой головой; его седые волосы были пострижены, как у арестанта, хотя он ни разу не сидел в тюрьме и даже не попадал в полицейский участок. В молодости Пинхорн считался неплохим кулачным бойцом и по-прежнему мог избить человека до полусмерти, если разозлится – время от времени с ним случались приступы ярости.

– Тебе не попадалась пара миниатюр? – спросил Питт. – Семнадцатый век, портреты мужчины и женщины? Или хрустальное пресс-папье с гравировкой в виде свитков и цветов, а также первое издание «Путешествия Гулливера» Джонатана Свифта?

Пинхорн явно удивился.

– И всё? Вы тащились сюда, чтобы спросить меня об этом? Из-за такой мелочи?

– Мне они не нужны. Я хочу лишь знать, не слышал ли ты о них. Вероятно, года три назад. Брови Пинхорна удивленно взлетели вверх.

– Три года назад! Рехнулись вы, что ли? Думаете, я помню, что было три года назад?

– Ты помнишь все, что когда-либо покупали и продавали, – спокойно ответил Питт. – На этом держится твоё ремесло. Ты лучший скупщик краденого на этом берегу реки, и ты знаешь цену каждой вещи, вплоть до фартинга. Такую редкость, как первое издание Свифта, ты бы запомнил.

– Ко мне ничего не попадало.

– А к кому? Мне не нужны эти вещи, мне лишь нужно знать.

Пинхорн прищурил свои маленькие черные глазки и недоверчиво сморщил нос. Несколько секунд он пристально смотрел на Питта.

– Вы же не станете меня обманывать, мистер Питт, правда? Это будет неразумно, потому что тогда я больше не смогу вам помогать. – Он слегка наклонил голову. – Может, даже не смогу вас защитить во время ваших маленьких путешествий во всякие опасные места, как, например, теперь.

– Не трать зря время, Пинхорн, – с улыбкой ответил Питт. – Тебе тоже нет смысла мне лгать. Ты слышал о Свифте?

– Кажется, вы что-то сказали об убийстве и государственной измене? Это серьезные слова, мистер Питт.

– Они пахнут виселицей, Пинхорн, – с нажимом произнес Питт. – Убийство – точно, а возможно, и предательство. Ты слышал, чтобы кто-то говорил о Свифте? Неважно, кто. Ты знаешь почти все, что происходит на этом берегу реки.

– Нет, не слышал. – Лицо Пинхорна сохраняло выражение мучительной сосредоточенности. – Если кто-то и продавал такую вещь, это было или не в Смоке, или тайно – кому-то, кто уже знал и охотился за ней. И все равно непонятно, зачем ее красть; стоит она гроши. Говорите, первое издание, без всякой надписи или чего еще?

– Нет, просто первое издание.

– Ничем не могу помочь.

Питт ему верил. Он был не настолько наивен и не считал, что прошлые услуги имеют какое-то значение – Пинхорн хотел заручиться его поддержкой на будущее. Скупщик краденого был слишком влиятельным, опасался конкурентов и не знал такого понятия, как верность. Если он что-то знал, то обязательно рассказал бы инспектору, рассчитывая извлечь из этого выгоду.

– Если услышу, я вам сообщу, – прибавил Пинхорн. – Вы мне должны, мистер Питт.

– Да, Пинхорн, – сухо ответил инспектор. – Но немного. – Он повернулся и пошел к массивной деревянной двери и мокрому переулку за ней.

Питт знал и других торговцев краденым. Среди них были владельцы ломбардов, самые бедные из ростовщиков, которые ссужали несколько пенсов людям, дошедшим до полного отчаяния и готовым расстаться с кастрюлями, сковородками или орудиями своего ремесла, чтобы купить еды. Томас ненавидел такие места, в них на него накатывала острая жалость, похожая на удар ногой в живот. Но сделать он ничего не мог и поэтому предпочитал гнев сочувствию. Ему хотелось обрушиться с обвинениями на богачей, на Парламент, на всех, кто живет в достатке или просто не знает об этих десятках тысяч людей, которые связаны с жизнью тонкой, готовой в любую минуту порваться нитью и не могут позволить себе мораль, разве что в ее самых примитивных формах.

В этот раз Питт был избавлен от необходимости посещать их – как и воровские «классы», где старики учили детей красть, получая от этого свою долю. Не нужны ему сегодня и те, кто

зарабатывает на жизнь перешиванием старого тряпья: собирает поношенную одежду, половики и выброшенную обувь, распарывает их и шьет новые вещи для бедняков, которые не могут себе позволить лучшего. Даже самые ветхие ковры распускали на нитки, из которых вязали одежду – хоть что-нибудь, чтобы прикрыть тех, кто иначе остался бы голым.

Предметы из дома Йорка взял человек, обладавший не только хорошим вкусом, но и относительно грамотный. Значит, сбыть их он мог примерно такому же, как он. Некоторые предметы роскоши не годятся для владельцев ломбардов – на них ничего не заработаешь.

Питт шел обратно, поднимаясь от реки по паутине переулков к Мейфэр и Хановер-клоуз. Обычно каждый вор работает в своем районе. Проследить украденные вещи не получается, и поэтому лучше начать с местных воришек. Если это один из них, то слухи об ограблении должны были достичь тех, кто промышлял этим ремеслом. Если это дело рук чужака, кто-нибудь все равно знает. Полиция расследовала дело, и это не секрет. Но у преступного мира свои источники информации.

Добравшись до Мейфэр, Питт потратил еще полчаса, чтобы найти нужного человека – маленького, тощего, кривονогого мужчину неопределенного возраста по имени Уильям Винселл, известного также как Горностай. Он сидел в самом темном углу таверны, пользовавшейся особенно дурной репутацией, и уныло смотрел на полпинты эля в грязной кружке.

Питт опустил на свободное место рядом с ним. Горностай с яростью посмотрел на него.

– Чё ты тут забыл, чертов лягаш? Или ты думашь, что мне будут доверять, ежели увидят в компании с таким, как ты? – Он посмотрел на жалкую одежду Питта. – Думашь, обрядился в енто тряпье и никто тебя не узнает? От тебе все равно несет лягашом, твои чистые руки никогда не знали работы, а сапоги, – он даже не потрудился взглянуть на ноги Питта, – выглядят как чертовы баржи! Хочешь мне загубить?

– Я уже ухожу, – тихо сказал Питт. – Собираюсь пообедать в «Собаке и утке», примерно в миле отсюда. Может, составишь мне компанию, скажем, через полчаса? Я закажу стейк и горячий пудинг с почками; миссис Боулз их отлично готовит. И еще сладкий пудинг с изюмом и кремом. Возможно, пару стаканов сидра из Западных графств.

Горностай с усилием сглотнул.

– Вы жестокий человек, миста Питт. Мабудь, вы хотите, шобы старого пройдоху вздернули? – Ребром ладони он провел по шее под ухом, словно изображая петлю.

– Возможно, в конечном счете, – согласился Питт. – Но в данный момент – только информацию об ограблении. «Собака и утка», через полчаса. Приходи туда, Горностай, иначе мне придется найти тебя в другом месте, не таком приятном – и не таком приватном. – Он встал, опустил голову и, не оглядываясь, протиснулся между посетителями и вышел на улицу.

Тридцать пять минут спустя, когда Томас с кружкой сидра, яркого и прозрачного, как бабье лето, сидел в более приличном зале таверны «Собака и утка», появился Горностай; он подошел неуверенной походкой, провел пальцами по грязному воротнику, словно оттягивал его от шеи, и скользнул на лавку напротив инспектора. Потом несколько раз оглянулся, чтобы удостовериться, что знакомых лиц нет, только скучные и добропорядочные клерки и мелкие торговцы.

– Стейк и пудинг с почками? – Вопрос Питта был явно лишним.

– Сперва скажите, чё вам от мене нужно? – с подозрением спросил Горностай, однако ноздри его уже раздувались, втягивая аппетитные ароматы свежей, вкусной еды. Такое впечатление, что он насыщался одним запахом. – За кем охотитесь?

– За тем, кто три года назад ограбил дом в Хановер-клоуз, – ответил Питт и кивком головы подозвал хозяйку заведения.

Горностай резко повернулся, и его лицо исказилось от ярости.

– Кому енто ты там сигналишь? – прошипел он. – Кто эт?

– Хозяйка. – Питт вопросительно вскинул брови. – Есть будешь?

Горностай успокоился; серая кожа на его щеках слегка порозовела.

– Ограбление, три года назад, в Хановер-клоуз, – повторил Питт.

Горностай ухмыльнулся.

– Три года назад? А не поздненько опомнились? Дело-то прошлое... Чё взяли?

Томас подробно описал украденные предметы.

Губы Горностая скривились.

– Вам не нужен ентот слам! Вам нужен тот, кто кокнул чудака, который застал его!

– Не отказался бы, – признал Питт. – Но в первую очередь мне нужно доказать невиновность одного человека.

– Ну и дела! – усмехнулся Горностай. – Дружок, чё ли-ча?

– Есть хочешь? – улыбнулся Питт.

Появилась хозяйка с двумя дымящимися тарелками: высокие горки мяса, подлива, тонкие шкварки и зеленые овощи с краю. Подошла девушка с кувшином сидра, сладкого, как спелые яблоки. Глаза Горностая заблестели.

– Убийство вредит делу, – очень тихо сказал Питт. – Ограбление начинает дурно пахнуть.

– Провалиться мне на ентот месте! – Маленький человечек облизнул губы и улыбнулся. – Вы правы – лишнее енто дело и грубое. – Он с вождением смотрел, как перед ним ставят тарелку, вдыхая соблазнительный аромат, а потом, цыкая зубом, стал наблюдать, как кружка до краев наполняется сидром.

– Что ты об этом знаешь, Горностай? – спросил Питт, прежде чем приступить к еде.

Светло-серые глаза Горностая широко раскрылись. Вероятно, когда-то они были красивыми – единственная привлекательная черта на маленьком сморщенном личике. Он набил рот едой и медленно жевал, перекачивая пищу языком.

– Ничё, – наконец произнес он. – То есь совсем, ежели вы кумекаете, о чем я. Обычно слухи доходят, если и не сразу, то через месяц или два. Или ежели он залег на дно, потому как малость облажался, то, мабудь, через год. Но ентот как сквозь землю провалился...

– Если бы он залег на дно, ты бы знал? – не отступал Питт. «Залечь на дно» – это значит скрываться от полиции в каком-то укромном месте, но Горностай настаивал, что этот вор просто исчез.

Горностай снова набил рот и говорил, с трудом ворочая языком.

– А то! – презрительно фыркнул он. – Я знаю все харчевни, берлоги, хазы, малины и шалманы на несколько миль вокруг.

Питт понимал его. Речь шла о дешевых тавернах, убежищах, дешевых меблированных комнатах, притонах и пивных.

– И вот чё я вам скажу, – продолжал Горностай, с наслаждением прихлебывая сидр. – Он был новичком. Как мне грили, у него не было ни «вороны», ни «ужа», и только дурак может ломицца с улицы, как он сделал в ентот Хановер-клоуз. Все знают, черт возьми, что «бобби» проходит там каждые двадцать минут!

«Уж» – это худой или недоразвитый ребенок, который может протиснуться между прутьями решетки на окне и открыть дверь изнутри настоящему вору. «Вороной» называли человека, часто женщину, стоящего на стреме и предупреждавшего о приближении полиции или незнакомых людей. Констебль Лоутер уже сообщил, что вор не был профессионалом, но Питту было любопытно, что Горностай тоже об этом знает.

– Значит, непрофессионал, – сказал он. – А с тех пор он еще что-нибудь натворил?

Горностай покачал головой, не открывая набитого рта. Потом проглотил еду.

– Грю же вам – ищщез. С тех пор ни слуха ни духа. Он не из наших, миста Питт. Я не слышал, шобы енти вещи появлялись у барыг, да и в залог их никто не сдавал, как бывает, кады парня вздернут – тут они появились бы, как пить дать. Тут уж пахнет не отсидкой в Колдбат

с майским жуком и кошкой. За мокруху тебя ждет Ньюгейт и прыжок с утрца с веревочным воротником. Долгий такой прыжок, когда тока дьявол тебя поймат.

«Майский жук» – это красочный термин для похожего на водяное колесо топчака, который используется в тюрьмах для наказания заключенных, вынуждая жертву непрерывно двигаться. «Кошкой» называли наказание плетьюми.

Горноста́й выпрямился и похлопал себя по животу.

– Славно набил брюхо, миста Питт, – сказал он, глядя на пустую тарелку. – Я бы помог вам, если б знал. Одно могу сказать: ищите парня, который думал, чё украсть – это просто, и решил попробовать, а вышло, что нет. – Он наклонился над тарелкой сладкого пудинга с фруктами и погрузил в него ложку, но затем выпрямился, словно ему в голову пришла неожиданная мысль. – А мабудь, у хозяйки дома был хахаль и он избавился от муженька, а грабеж тут ни при чем. Вы думали об ентом, миста Питт? Все, чё я знаю, – это не наши.

– Да, Горноста́й, я об этом думал, – ответил Питт и подвинул к нему крем.

Тот ухмыльнулся, обнажив острые, редкие зубы, и зачерпнул побольше крема.

– Для лягаша вы не так уж тупы! – со смесью уважения и презрения воскликнул он.

Питт верил Горностаю, но считал своим долгом до наступления Рождественского сочельника проверить еще несколько своих контактов. И не обнаружил ничего, кроме полного неведения и абсолютного отсутствия страха, что само по себе было важным свидетельством. Он прошагал не одну милю по грязным переулкам, прятавшимся за фасадами красивых улиц; он расспрашивал сутенеров, скупщиков краденого, разбойников, содержателей публичных домов, но никто не мог ничего рассказать ему о воре, который проник в Хановер-клоуз, а потом попытался продать украденные вещи или избавиться от них, или скрывался от обвинений в убийстве. Преступный мир, коварный и жестокий, не имел отношения к этому преступлению.

Был ясный, холодный вечер; стемнело уже в половине пятого, после быстрого заката, окрасившего небо в бледно-зеленый цвет. Газовые фонари горели желтым цветом, а по булыжникам, покрытым тонкой коркой льда, грохотали экипажи. Люди приветствовали друг друга, возницы чертыхались, уличные торговцы громко расхваливали свой товар: горячие каштаны, спички, шнурки, сушеная лаванда, свежие пироги, металлические дудочки, оловянные солдатики... То тут, то там стайки детей пели рождественские гимны; их тонкие голоса звенели в морозном воздухе.

Питт почувствовал, как на него медленно нисходит умиротворение – чувство отчаяния притупилось, а обступившая его серость начала окрашиваться в разные тона. Окружающее веселье пробудило воспоминания и подняло настроение, уничтожив даже сострадание и вину, которые он ощущал, покидая трущобы и возвращаясь в свой уютный дом. Сегодня он сбросил эти чувства, как грязное пальто, оставив себе только благодарность.

– Эй! – крикнул Томас, распахнув парадную дверь своего дома.

Через секунду он услышал, как Джемайма спрыгнула со своего стульчика, а затем раздался топот туфель по линолеуму – дочь выбежала встречать его в коридор.

– Папа! Папа, уже наступило Рождество? Наступило, я знаю!

Питт обнял ее и поднял высоко в воздух.

– Да, моя сладкая! Уже Рождественский сочельник, прямо сейчас!

Он поцеловал дочь и, держа ее на руках, прошел на кухню. Все лампы ярко горели. Шарлотта и Эмили сидели за столом, заканчивая украшение большого торта, а Грейси наспигивала гуся. Эмили приехала часом раньше, в сопровождении лакея, нагруженного цветной бумагой, коробочками и лентами. Притихшие и взволнованные дети – Эдвард, Дэниел и Джемайма – не отходили от него. Эдвард прыгал с одной ноги на другую; его белокурые волосы поднимались и опускались, словно золотистая крышка. Дэниел принялся танцевать и кружился, пока не упал.

Томас поставил Джемайму на пол, поцеловал Шарлотту, поздоровался с Эмили и кивнул Грейси. Потом снял башмаки и вытянул ноги к печке, чувствуя, как тепло поднимается от ступней к бедрам, и, довольный, смотрел, как Грейси ставит котелок на огонь, достает заварочный чайник и большую чашку.

После ужина он едва дождался, пока дети улягутся спать, чтобы принести надежно спрятанные подарки и красиво упаковать их. Вместе с Эмили и Шарлоттой Томас сидел за обшарпанным кухонным столом, который теперь был завален ножницами, яркой бумагой, лентами и бечевкой. Время от времени кто-нибудь исчезал в гостиной, прося остальных не входить, а потом возвращался с сияющими глазами и довольной улыбкой.

Легли они почти в полночь, и Питт слышал, что Шарлотта один раз вставала в полной темноте, когда тонкий голосок на площадке лестницы с надеждой спросил: «Уже утро, да?»

Проснувшись ровно в семь, он увидел, что Дэниел в ночной рубашке стоит в дверях их спальни, а Шарлотта, полностью одетая, сидит у окна.

– Кажется, идет снег, – тихо сказала она. – Еще темно, и видно плохо, но в воздухе что-то блестит. – Повернувшись, она увидела Дэниела. – Доброе утро, милый.

Шарлотта склонилась, чтобы поцеловать сына. Мальчик замер. Ему было почти пять, и он уже не желал, чтобы его целовали, особенно в присутствии других людей.

– Уже Рождество? – прошептал он в мягкие волосы, спадавшие на щеку матери.

– Да. Рождество! Вставай, Томас, Рождество пришло. – Шарлотта протянула руку Дэниелу. – Пойдем, посмотрим, что там у нас под елкой в гостиной, а потом будем одеваться.

Мальчик кивнул, глядя широко распахнутыми глазами в лицо матери.

– Тогда идем! – Она потащила его за собой, оставив дверь широко открытой и окликая Эдварда и Джемайму.

Питт выбрался из постели, натянул одежду, еще в большем беспорядке, чем обычно, плеснул в лицо водой из стоявшего на комодке кувшина и сбежал по лестнице вниз. Шарлотта, Эмили и дети стояли в гостиной и смотрели на елку и гору ярких свертков под ней. Все молчали.

– Сначала завтрак, потом церковь, потом посмотрим, что здесь, – сказал Питт, разрушая чары. Ему не хотелось, чтобы Эмили повернулась и увидела его лицо. Он подумал о Джордже. Джемайма открыла было рот, собираясь запротестовать, но передумала.

– Где Грейси? – спросил Томас.

– Вчера вечером я отправила ее домой, – ответила Шарлотта. – Мы вдвоем прекрасно справимся сами.

– Может, ей было бы лучше с нами? – Питт подумал о разнице между домом Грейси и этим, с его теплом, счастьем и гусем в духовке.

– Может, – согласилась Шарлотта, направляясь на кухню. – Но ее матери – нет. Эмили дала ей цыпленка, – вполголоса прибавила она и торопливо продолжила: – Завтрак через полчаса. Все одеваться – быстро! – Она хлопнула в ладоши, и Эмили повела детей наверх.

Сама Шарлотта занялась завтраком – каша, яйца, тосты, мармелад, мед и чай. Питт поднялся на второй этаж, чтобы побриться.

На улице лежал тонкий слой снега, а между крышами виднелось по-зимнему голубое небо с белыми барашками облаков. Все вместе они дошли до церкви, в полумиле от дома. Везде звонили в колокола, и холодный воздух был наполнен торжественными звуками.

Служба была короткой; они сидели рядышком на узких скамьях, пока викарий рассказывал знакомую историю, а орган играл знакомые гимны. Все пели «Придите, верные» и «Храни вас Бог», пока звук не поглотил их, словно океан.

Назад они шли сквозь карусель снежных хлопьев, оставляя за собой цепочки следов. Затем, после небольшой суеты в кухне, все уселись за стол. На нем был жареный гусь с ароматной начинкой, печеная картошка с коричневой хрустящей корочкой, пастернак, хорошее

французское вино и сливовый пудинг, политый бренди – его зажгли, к огромному удовольствию детей, – и покрытый кремом. Шарлотта с величайшей тщательностью разрезала пудинг, чтобы каждому достался серебряный трехпенсовик.

Наконец наступила пора подарков. Не скрывая волнения, все отправились в гостиную и стали смотреть, как дети срывают обертки, бросают бумагу на пол и замирают в немом восхищении. Дэниел получил паровоз и вагоны, которые смастерил Питт, и попрыгунчика, купленного Эмили. Эдварду от Питта досталась коробка кубиков самых разных цветов, форм и размеров, а от Эмили – набор оловянных солдатиков. Джеммайме предназначалась кукла, для которой Шарлотта сшила три комплекта одежды, а от Эмили – калейдоскоп; если его встряхнуть и поднести к глазу, перед тобой предстает яркий, беспрерывно меняющийся волшебный мир.

От бабушки Кэролайн дети получили книги: «Алиса в Стране чудес» Льюиса Кэрролла для Джеммаймы, «Дети вод» Чарльза Кингсли для Дэниела и «Остров сокровищ» Роберта Льюиса Стивенсона для Эдварда.

Шарлотте очень понравились и розовая алебастровая ваза, и гранатовая брошь, которую подарила сестра, а Эмили осталась довольна кружевным воротником от Томаса и Шарлотты. Питт не мог нарадоваться рубашкам, сшитым женой, и блестящим кожаным сапогам, прикрывавшим колено. Он от души поблагодарил Эмили не только за подарок, но и за проявленный такт – она постаралась, чтобы подарок был не слишком дорогим. Леди Эшворд прекрасно знала, что в должности констебля Питт получал столько же, сколько трубочист, а теперь, когда он стал инспектором, его месячное жалованье не превышало суммы, которую она тратила на одежду.

Сама Эмили была благодарна сестре и ее мужу за теплоту и участие, за чувство принадлежности к семье, и она самым деликатным образом дала им это понять. Когда суматоха, вызванная подарками и благодарностями, наконец улеглась, все расположились у камина, красно-желтое пламя которого гудело, вытягиваясь к дымоходу. Эмили и Шарлотта болтали, а Томас дремал, положив ноги на каминную решетку.

Вечером, когда уставшие дети отправились спать, крепко прижимая к себе подарки, Шарлотта, Питт и Эмили достали гигантскую составную картинку-загадку, посвященную коронации королевы Виктории. Только к полуночи Эмили с торжествующим возгласом наконец пристроила на место последний фрагмент.

Два дня спустя Питт шел на работу, навстречу холодному северному ветру, который превратил снежную кашу на тротуарах в скользкий лед и гонял по нему осколки сосулек, похожих на разбитое стекло. Оставив указания относительно других расследуемых дел, он покинул участок на Боу-стрит и направился в Хановер-клоуз. Ему очень хотелось увидеть семейство Йорк, и у него появилась одна идея...

Несколько удивленный кэбмен высадил его в тихом и роскошном Хановер-клоуз с его георгианскими фасадами и замысловатым узором из голых веток деревьев на фоне тяжелых белых туч. Он открыл рот, собираясь спросить, не ошибся ли Питт адресом, но при взгляде на лицо пассажира передумал. Взяв деньги, возница ударил вожжами по крупу лошади, от которого поднимался пар.

Питт подошел к парадной двери и внутренне приготовился к отповеди лакея, который скажет, что место полицейского – если ему вообще позволено приходить – у задней двери, вместе с торговцами. Он привык к подобному обращению, но все равно почувствовал, как напряглись плечи.

Дверь открылась почти сразу, и на пороге появился лакей, мужчина лет тридцати, на лице которого отражалось легкое удивление.

– Меня зовут Томас Питт, – инспектор решил пока не упоминать свою должность. – Вполне возможно, у меня есть информация, которая может быть интересна мистеру Йорку. Буду обязан, если вы спросите, могу ли я с ним увидеться.

Лакей не осмелился отвергнуть эту просьбу, не известив хозяина, на что и рассчитывал Питт.

– Подождите в маленькой столовой, я узнаю. – Лакей отступил назад и открыл дверь, приглашая войти. В руке он держал поднос, но у Питта не было визитной карточки, которую следовало положить на него. Видимо, стоит ее завести – просто имя, и ничего больше.

Столовая при кухне была просторной и удобной, хотя довольно строгой, с зеленой мебелью холодных тонов и литографиями на стенах. Два застекленных шкафа с книгами в кожаных переплетах и изящный глобус на столике у окна, на котором все страны Британской империи были отмечены красным цветом – просторы Канады, Австралии, Индии, большей части Африки вплоть до Египта, многочисленных островов в океане. Глобус охватывал латунный меридиан с гравировкой.

Лакей нерешительно топтался на месте.

– Могу я сообщить мистеру Йорку, с чем связан ваш визит? – наконец прямо спросил он.

– Со смертью мистера Роберта Йорка, – ответил Питт, почти не погрешив против истины.

Лакей не нашел что на это ответить, церемонно поклонился и вышел, закрыв за собой дверь.

Томас знал, что долго ждать не придется, и решил не тратить времени на осмотр комнаты в попытке получить представление о вкусах хозяев. Красивые книги часто покупали из-за их внешнего вида, а не содержания. Вместо этого он еще раз повторил заранее заготовленную речь, приготовившись лгать человеку, который вызывал у него искреннее сочувствие и вполне мог понравиться.

Достопочтенный Пирс Йорк появился через пять минут. Это был высокий мужчина, вероятно, худощавый в молодости. Ему было уже к семидесяти, но держался он прямо, разве что плечи слегка опущены; его худое лицо светилось тонким, язвительным юмором, проступавшим под нынешней патиной скорби и многолетней сдержанности.

– Мистер Питт? – с любопытством спросил он, закрывая за собой дверь и жестом приглашая сесть в одно из кресел. – Джон сказал, что у вас есть сведения, связанные со смертью моего сына. Это правда?

– Да, сэр. – Чувство стыда было сильнее, чем ожидал Томас, но отступить, не объяснив свою ложь, было уже поздно. Он сглотнул. – Вполне возможно, найдены некоторые из украденных вещей. Не могли бы вы дать мне более точное описание вазы и пресс-папье?

Взгляд Йорка выражал удивление. Но в нем присутствовала и мрачная тень утраты, и некий блеск, возможно, юмора или иронии, когда он посмотрел на начищенные до блеска и превосходно сидящие сапоги Питта.

– Вы из полиции?

Томас почувствовал, как пылают его щеки.

– Да, сэр.

Йорк сел; движение было изящным, хотя позвоночник у него гнулся с трудом.

– Что вы нашли?

Питт заранее подготовился к этому вопросу. Он сел напротив хозяина и, стараясь не смотреть ему в глаза, ответил:

– Недавно мы обнаружили много украденных вещей, и среди них несколько предметов из серебра и хрусталя.

– Понимаю. – Йорк слабо улыбнулся. – Но не понимаю, какое значение это имеет теперь. Ценность их невелика. Маленькая ваза – честно говоря, я плохо ее помню. На пресс-папье была гравировка в виде цветов или что-то в этом роде. Я на вашем месте не стал беспокоиться, мистер Питт. Уверен, у вас есть более важные дела.

Выбора у Томаса не было.

– Возможно, эти предметы помогут нам выйти на вора, то есть на того, кто убил вашего сына, – с расстановкой пояснил он.

Йорк улыбнулся, вежливо, но устало. Он уже справился с волнением.

– Через три года, мистер Питт? Совершенно очевидно, с тех пор эти предметы несколько раз переходили из рук в руки. – Это был не вопрос, а утверждение.

– Я так не думаю сэр. У нас есть контакты среди торговцев краденым.

– Полагаю, это необходимо? – Йорк вздохнул. – Мне действительно наплевать на вазу, и моей жене, уверен, тоже. Роберт был нашим единственным сыном, и не могли бы мы... – Он умолк на полуслове.

Так ли это необходимо? Приведет ли придуманная Томасом игра к информации об убийце Роберта Йорка? И прольет ли свет на возможную причастность вдовы? Или просто усилит страдания семьи, понесшей такую тяжелую утрату?

Но в этом преступлении было нечто странное. Оно не похоже на обычный взлом. Питт верил Пинхорну, Горностаю и всем остальным, которые утверждали, что преступный мир тут ни при чем. Возможно, кто-то из знакомых семьи решился на преступление, а когда Роберт Йорк узнал его, тот, боясь разоблачения, запаниковал и убил Роберта. Или убийство было первично, а ограбление вторично: Роберт Йорк застал жену с любовником, а преступник забрал вещи, чтобы скрыть реальные мотивы. А может, еще хуже – убийство спланировали заранее.

Разумеется, нельзя исключать и версию, которой опасалось Министерство иностранных дел: целью вора были документы, которые Роберт Йорк взял домой. Тогда это не только убийство, но и государственная измена.

– Да, боюсь, это необходимо, – твердо сказал Питт. – Мне очень жаль, но я уверен, что даже в своем горе миссис Йорк не захочет, чтобы убийца остался безнаказанным, когда есть шанс его поймать.

Йорк несколько секунд пристально рассматривал его, затем поднялся.

– Надеюсь, вы знаете, что делаете, мистер Питт. – В его тоне не было презрения; хозяин дома говорил с полицейским, как джентльмен с джентльменом. Он потянул за шнурок звонка рядом с дверью, а когда появился лакей, отправил его за миссис Йорк.

Она пришла через несколько минут, и до ее появления они оба молчали. Питт встал и с интересом посмотрел на нее. Самообладание этой женщины произвело сильное впечатление на Лоутера в ночь смерти ее сына и на Моубрея днем позже. Чуть выше среднего роста, худощавая, слегка располневшая в талии, с закрытыми плечами и шеей, скрытой кружевом, но не таким, как носят старухи, а плотным французским кружевом, которое могла бы выбрать тетушка Веспасия. Даже с расстояния в несколько футов Питт уловил слабый аромат сладких духов, похожий на запах гардении. У миссис Йорк были приятные округлые черты лица, почти греческий нос и еще не потерявшие формы губы. Кожа безупречна. Волосы – тоже; они немного поблекли, но оставались яркими и густыми, слегка волнистыми. Она была красива – на свой манер. Миссис Йорк рассматривала Томаса с холодным удивлением.

– Мистер Питт из полиции, – объяснил Йорк. – Возможно, он нашел некоторые из украденных вещей. Ты можешь описать серебряную вазу? Боюсь, я бы ее не узнал, если бы увидел.

Глаза миссис Йорк широко раскрылись.

– Через три года вы сможете вернуть мне вазу? Я впечатлена, мистер Питт.

Упрек был явным, и поэтому ответ Томаса прозвучал резче, чем ему хотелось.

– Бывает, что справедливость медлит, мэм, а иногда даже страдают невинные. Мне очень жаль.

Она заставила себя улыбнуться, и Питт оценил ее самообладание.

– Примерно девять дюймов высотой, основание круглое, но сама ваза квадратная, с рифленным горлышком. Из цельного серебра, на пять или шесть цветов. Обычно я ставила в нее розы.

Описание было точным – никаких неопределенностей или неточностей. Питт внимательно посмотрел на миссис Йорк. Умна и прекрасно владеет собой, но лицо живое, подвижное. Легко представить, что в ее душе могут бушевать страсти. Он опустил взгляд на маленькие сильные руки: напряжены, но пальцы не сжаты в кулаки.

– Благодарю вас. А хрустальное пресс-папье?

– Круглое, с гравировкой в виде двух тюдоровских роз и чем-то еще, вроде ленты или свитка. Размером три или четыре дюйма и, естественно, тяжелое. – Лоб миссис Йорк прорезали морщины. – Вы нашли вора? – Ее голос слегка дрожал, а на виске под бледной кожей стала подергиваться жилка.

– Нет, мэм. – Теперь это была чистая правда. – Только вещи, через торговца краденым. Но они могут привести нас к вору.

Йорк стоял в нескольких футах от жены. На мгновение Томасу показалось, что он протянет к ней руки, пытаясь успокоить, или просто в знак поддержки, но либо хозяин дома передумал, либо Питт неверно истолковал его движение. Что кроется за ироничным, благородным лицом этой женщины, красивой и ухоженной? Может, они подозревают, что у их невестки был любовник? Или что их сына убили ради государственных секретов? Или что кто-то из знакомых или даже друзей семьи залез в долги и, отчаявшись, решился на ограбление, чтобы избежать позора и даже тюрьмы как следствия банкротства?

Он ничего не узнает, наблюдая за ними. Аристократы, с детства воспитывавшиеся в атмосфере холодности и послушания, умели владеть собой, обладали чувством собственного достоинства и были верны своему классу. Какое бы горе ни пряталось внутри, ни полицейский, ни сын егеря не должны заметить его проявлений – ни в голосе, ни в дрожании рук. Питту почти хотелось, чтобы их видела Шарлотта: она смогла бы растолковать ему их поведение.

Затягивать визит он больше не мог, а придумать правдоподобный предлог для разговора с вдовой тоже не получалось. Питт поблагодарил хозяев, и лакей вывел его из дома на серую заледенелую улицу.

Ему потребовалось три дня, чтобы найти вазу, подходящую под описание миссис Йорк – на полтора дюйма ниже и пятиугольную, а не квадратную, но очень похожую. С пресс-папье ничего не вышло; у скупщиков краденого не нашлось ничего даже отдаленно похожего, а если он принесет вещь, сильно отличающуюся от описания, его обман будет раскрыт.

Был канун Нового года, и шел сильный снег. Питт ехал по заснеженным улицам, и колеса экипажа вращались почти беззвучно; в начале четвертого лошади остановились у дома номер 2 в ХанOVER-клоуз. Питт заранее расспросил дежурного констебля и знал, что в этот час у него больше всего шансов застать молодую миссис Йорк, тогда как старая обычно уезжает с визитами.

На этот раз дверь открыла молодая симпатичная горничная в накрахмаленном кружевном фартуке и чепце на темных волосах. Она окинула Питта подозрительным взглядом, от торчащих из-под высокой шляпы спутанных волос и пальто хорошего покроя, но плохо почищенного и с карманами, доверху набитыми всякими предметами, которые, как он полагал, могли ему пригодиться, до подаренных Эмили щегольских сапог.

– Да, сэр?

Томас улыбнулся девушке.

– Я пришел повидаться с миссис Йорк. Мы договаривались, что я нанесу ей визит в один из ближайших дней.

Горничную убедила улыбка, а не слова, которым она не поверила.

– У миссис Йорк гости, но если вы пройдете в маленькую столовую, я доложу ей о вашем приходе.

– Спасибо. – Питт вошел и протянул девушке одну из визитных карточек, которыми обзавелся после прошлого визита. Возможно, визитная карточка у полицейского – это слишком дерзко, но Томасу нравилось. И он полагал, что когда-нибудь эти затраты окупятся. Шарлотте он ничего не сказал, опасаясь, что жена посчитает это глупостью.

В столовой при кухне ничего не изменилось; за каминной решеткой все так же ровно горел огонь. На этот раз после ухода горничной Питт специально открыл дверь и стал чуть в стороне, чтобы слышать разговор приближающихся людей, оставаясь невидимым. Вероятно, посетители не представляли интереса, но ему было любопытно. У дверей не стояли экипажи, а значит, гости собирались пробыть достаточно долго, чтобы стоило отправить их в конюшню на заднем дворе – то есть больше получаса обычного послеобеденного визита.

Расчет Томаса оправдался. Горничная сообщила о его визите молодой миссис Йорк, и через десять минут пришла именно она. Ее сопровождал белокурый мужчина лет сорока с некрасивым, но умным и приятным лицом. Оба были вежливы, но держались очень сдержанно.

Вероника Йорк действительно оказалась красивой женщиной, очень стройной, с изящными плечами и грудью; двигалась она с необыкновенной грацией. Ее лицо было более тонким и выразительным, чем у свекрови, и сразу же понравилось Питту. В нем было что-то необычное, запоминающееся, и у Томаса создалось впечатление, что за внешним спокойствием бушуют страсти, грозящие прорваться наружу.

– Мистер Питт? – с сомнением произнесла она. – Надеюсь, вы не возражаете, что меня сопровождает мистер Данвер? Простите, но я не помню, чтобы мы были знакомы.

Данвер обнял ее одной рукой, словно готовясь защитить от любых неприятностей. Но на его лице не было враждебности, только настороженность и понимание ранимости женщины.

– Прошу прощения, – сразу же извинился Питт. – Мы договаривались с миссис Пирс Йорк. Мне следовало выразиться яснее. Но вы тоже могли бы мне помочь, – если не возражаете. – Он извлек из кармана пальто серебряную вазу и протянул Веронике. – Вполне возможно, что именно эту вазу украли у вас три года назад. Я прошу вас осмотреть ее и подтвердить или опровергнуть это.

Лицо Вероники побледнело, глаза широко раскрылись, как будто в руках у Питта было что-то страшное и непостижимое.

Данвер крепче обнял ее, словно боялся, что она лишится чувств, и в ярости повернулся к Питту.

– Ради всего святого, у вас совсем нет жалости? Вы приходите сюда без предупреждения, с вазой, которая была украдена три года назад, в ту самую ночь, когда был убит муж миссис Йорк! – Он посмотрел на Веронику, и вид ее страданий лишь усилил гнев. – Я пожалуюсь вашему начальству на такую бестактность! Вы должны были, по крайней мере, обратиться к мистеру Йорку!

Томас жалел ее, как и многих других людей, которых встречал за свою долгую карьеру, виноватых и невиновных. Что касается Джулиана Данвера, то либо он превосходный актер, либо ему не приходило в голову, что истина может оказаться не такой, какой он ее себе представлял.

– Мне очень жаль, – искренне извинился Питт. – Во время моего предыдущего визита мистер Йорк сказал, что не узнает вазу. Именно миссис Йорк составила подробное описание. Если хотите, я расспрошу слуг – с вашего позволения.

Вероника пыталась справиться с собой.

– Ты несправедлив, Джулиан. – Она с трудом сглотнула и попыталась отдышаться. Лицо ее по-прежнему было смертельно бледным. – Мистер Питт лишь исполняет свой долг. Миссис Йорк расстроилась бы не меньше. – Она посмотрела в глаза Томасу, и он был поражен силой ее чувств. Эта женщина не просто светская красавица – она была бы неотразима в любой обстановке.

новке. – Боюсь, я не знаю, наша ли это ваза. – Вероника старалась унять дрожь в голосе. – Я ее почти не помню. Она стояла в библиотеке, где я бывала не так часто. Может, вы расспросите слуг и не будете беспокоить мою свекровь?

– Конечно. – Питт надеялся найти предлог, чтобы поговорить со слугами, и с радостью ухватился за предложение Вероники. – Если вы дадите распоряжение дворецкому или экономке, я пройду в комнаты прислуги. Возможно, я найду там горничную, которая в то время вытирала пыль в библиотеке.

– Хорошо, – согласилась Вероника, не в силах скрыть своего облегчения. – Превосходная идея.

– Я распоряжусь, – предложил Данвер. – Ты не хочешь пройти к себе в комнату, дорогая? Я извинюсь перед Харриет и папой.

Она быстро повернулась к нему.

– Пожалуйста, ничего им не говори.

– Разумеется, – заверил он ее. – Я просто скажу, что у тебя немного закружилась голова и ты пошла прилечь на полчаса, а затем вернешься к ним. Хочешь, я пошлю за твоей горничной или за свекровью?

– Нет! – на этот раз голос Вероники звучал решительно, а пальцы крепко сжали запястье Данвера. – Пожалуйста, не нужно! Со мной все будет в порядке. Не стоит никого беспокоить. Я пойду к себе, смочу виски одеколоном и вернусь в гостиную. Будь добр, объясни Реддичу насчет мистера Питта и вазы.

Данвер нехотя подчинился, хотя лицо его выражало сомнение.

– Всего доброго, мистер Питт, – вежливо попрощалась Вероника и отвернулась. Данвер открыл перед ней дверь, и она скрылась в коридоре.

На звонок Данвера явился озабоченный дворецкий, мужчина средних лет, словно сохранивший недоуменную невинность юноши. В нем странным образом смешивались достоинство и осознание важности своего положения. Объяснив ему задание Питта, Данвер удалился, и дворецкий повел Томаса по коридору, через обитую зеленым сукном дверь в гостиную экономки, в данный момент свободную.

– Я точно не знаю, какая в то время была прислуга на первом этаже, – с сомнением произнес дворецкий. – Большая часть слуг сменилась после смерти мистера Роберта. Я сам тут человек новый, экономка – тоже. Но прислуга из буфетной тогда точно работала. Она может помнить.

– Позовите ее, – согласился Питт.

Около двадцати минут он сидел в гостиной, размышляя о Веронике Йорк, пока не появилась симпатичная девушка лет двадцати пяти. На ней было синее форменное платье, маленький белый фартук и чепец. Совершенно очевидно, что это не прислуга из буфетной: изящная и аккуратная внешность, а руки не красные от постоянного соприкосновения с водой. Прошло много времени с тех пор, как она в последний раз мыла пол. Ее сопровождал дворецкий – предположительно для того, чтобы девушка не нарушала приличий в своих ответах.

– Меня зовут Далси, сэр, – сказала горничная, приседая. Полицейские не заслуживали полноценного реверанса, поскольку сами считались кем-то вроде слуг. – Я была тут помощницей горничной, когда убили мистера Роберта. Из слуг остались только мы с Мэри, прислугой из буфетной. Мистер Реддич сказал, что я могу вам помочь, да, сэр?

Жаль, что дворецкий не ушел, но Томас был к этому готов: на его месте так вел бы себя любой старший слуга.

– Будьте так любезны. – Инспектор снова достал серебряную вазу и протянул девушке. – Посмотрите на нее внимательно, Далси, и скажите, та ли это ваза, что стояла в библиотеке вплоть до гибели мистера Роберта Йорка.

– Ой! – Похоже, она испугалась. Очевидно, Реддич был краток и сообщил ей лишь то, что с ней хотят побеседовать из-за того, что она работала в доме три года назад. Взгляд широко раскрывшихся глаз девушки остановился на вазе в руке Питта. Дотронуться до вазы она не решалась.

– Ну, Далси? – спросил Томас. – Это та самая ваза? Должно быть, вы часто стирали с нее пыль.

– Очень похожа, сэр, но мне кажется, это не она. Помнится, у той было четыре стороны. Но я могу ошибаться.

Лучшего ответа горничная дать не могла. Он позволял Питту продолжить расспросы.

– Не волнуйтесь, – сказал он. – Просто вспомните свои обязанности три года назад. Помните ту неделю?

– О, да. – Голос девушки звучал приглушенно.

– Расскажите мне. В доме было много гостей?

– О, да, – воспоминания заставили ее улыбнуться. – Тогда тут было много людей. – Улыбка девушки погасла. – Конечно, после смерти мистера Роберта все прекратилось, и люди приезжали только с соболезнованиями.

– Наверное, дамы наносили визиты после полудня? – предположил Питт.

– Да, почти каждый день, к миссис Пирс или к миссис Роберт. Обычно одна из них оставалась дома, а другая сама отправлялась с визитами.

– Званные ужины?

– Довольно редко. Чаще они ужинали не дома или ходили в театр.

– Но в доме бывали гости?

– Конечно!

– Мистер Данвер?

– Мистер Джулиан Данвер, его отец мистер Гаррард и мисс Харриет, – без раздумий ответила она. – И еще мистер и миссис Эшерсон. – Горничная назвала несколько имен, которые Питт записал в блокнот, не обращая внимания на осуждающий взгляд дворецкого.

– Теперь попробуйте вспомнить тот день, – продолжил Томас. – И расскажите о том, чем занимались, по порядку.

– Хорошо, сэр. – Девушка опустила взгляд на сцепленные пальцы и принялась медленно перечислять свои обязанности. – Я встала в половине шестого и спустилась вниз, чтобы почистить все каминные решетки и вынести золу. Мэри дала мне чашку чаю, а потом я проверила, что все каминные чистые, поддоны и подставки для дров блестят, разложила дрова и зажгла огонь, чтобы к тому времени, как хозяева сойдут вниз, в доме было тепло. Потом убедилась, что лакей принес уголь и ведерки для угля полные – иногда за ним приходится следить. После завтрака я начала вытирать пыль и мыть пол...

– Вы убирали в библиотеке? – Питту пришлось задать этот вопрос, чтобы оправдать свое любопытство.

– Да, сэр... Сэр! Я вспомнила: ваза очень похожа на ту, что была у нас, но это не она!

– Ты уверена? – строго спросил дворецкий.

– Да, мистер Реддич. Это не наша ваза. Могу поклясться.

– Спасибо. – Томас не мог придумать, что еще спросить. По крайней мере, у него есть несколько имен, и он может начать поиски возможного преступника из числа непрофессионалов.

Реддич смягчился.

– Не откажетесь выпить чашку чаю на кухне, мистер Питт?

Инспектор, не раздумывая, согласился. Его мучила жажда, и чашка чаю была бы весьма кстати. Кроме того, это прекрасная возможность понаблюдать за другими слугами.

Через полчаса, после трех чашек чаю и двух кусочков торта с мадерой инспектор вернулся в главный коридор и открыл дверь в библиотеку. Это была красивая комната. Две стены занимали книжные полки, а третью – окно от пола до потолка со шторами из красно-рыжего бархата. У четвертой стены расположился мраморный камин, а по обе стороны от него – полукруглые столики, инкрустированные редкими породами дерева. В комнате также был массивный письменный стол из дуба и зеленой кожи, обращенный к окну, и три больших кожаных кресла.

Питт стоял посреди библиотеки и пытался представить, что тут происходило в ночь убийства Роберта Йорка. Услышав за спиной какой-то шорох, он оглянулся. В дверях стояла Далси. Увидев, что Питт ее заметил, горничная вошла в комнату. Лоб ее был наморщен, глаза сияли.

– Что-нибудь еще? – спросил Томас, уверенный, что не ошибся.

– Да, сэр. Вы спрашивали о гостях, людях, которые сюда приходили...

– Ну?

– Понимаете, на той неделе я в последний раз видела ее или ее вещи. – Горничная умолкла и прикусила губу, внезапно засомневшись, не сочтут ли ее поведение бестактным.

– Кого видели, Далси? – Не нужно давить на нее или проявлять чрезмерный интерес, чтобы не испугать девушку. – Кого вы видели?

– Я не знаю, как ее зовут. Женщина, носившая пурпурные платья, всегда что-нибудь этого цвета. Она была не из гостей – по крайней мере, никогда не входила в парадную дверь вместе с другими людьми. И я не видела ее лица, только один раз, когда на него упал свет от газовой лампы на лестнице – всего одну секунду, а потом она исчезла. Но у нее всегда было что-нибудь пурпурного цвета: платье, перчатки, цветок или еще что. Я знаю вещи мисс Вероники, и среди них нет ничего такого же тона. Однажды я нашла перчатку в библиотеке, под одной из подушек. – Девушка указала на дальнее кресло. – А в другой раз – кусок ленты.

– Вы уверены, что это не старшая миссис Йорк?

– О, да, сэр. Я знала тогдашних горничных мадам, и мы обсуждали одежду хозяйки. Это редкий цвет, вот; я точно знаю, что они обе его не носят. Это была женщина в пурпурном, сэр, но клянусь, я не знаю, кто она такая. Знаю только, что она появлялась и исчезала, как тень, чтобы никто ее не видел, и с той недели я ее не видела, сэр. Мне жаль, что это не та ваза. Хорошо бы вы поймали того, кто это сделал. И дело не в серебре – мистер Пирс говорит, что деньги можно всегда получить по страховке, как тогда, когда миссис Лоретта потеряла жемчуга с сапфировой застежкой. – Девушка внезапно умолкла и прикусила губу.

– Спасибо, Далси. – Питт посмотрел на ее встревоженное лицо. – Вы правильно сделали, что рассказали мне. Я ничего не буду говорить мистеру Реддичу без крайней необходимости. А теперь проводите меня к двери, и никто не заметит, что вы были здесь.

– Да, сэр. Спасибо, сэр. Я... – Она замялась, будто хотела что-то сказать, а потом передумала, присела в реверансе и повела Питта через большой холл к парадной двери.

Через мгновение он был уже в безмолвном тупике, и лед хрустел у него под ногами. Кто была та женщина в пурпурном, которая якобы не появлялась в доме после смерти Роберта Йорка, и почему больше никто не упоминал о ней? Возможно, она не имеет к убийству никакого отношения – подруга Вероники или же эксцентричная родственница. А может, именно это и хочет скрыть Министерство иностранных дел, надеясь, что Питт ничего не обнаружит, – шпион? Нужно еще раз поговорить с Далси, когда у него будет больше информации.

Глава 4

Эмили вернулась домой на следующий день после дня рождественских подарков. Городской дом Эшвордов был большим и очень красивым. В первый год после свадьбы Джордж, стараясь угодить Эмили, почти весь его заново отремонтировал, не считаясь с расходами. Не отвергалось ничего, что приносило очарование и индивидуальность, но общий результат получился, по меньшей мере, роскошным. В доме не осталось ни изысканных французских украшений, ни позолоты, ни причудливых завитушек; мебель подобрали в стиле Регентства или георгианскую, сочетавшуюся с архитектурой самого дома. В то время Эмили спорила с Джорджем из-за любви его родителей к кисточкам и бахромке, а почти все скучные семейные портреты отправила в неиспользуемые комнаты для гостей. Результат удивил и обрадовал Джорджа, который с удовлетворением сравнивал свой дом с захламленными домами друзей.

Теперь Эмили стояла в холле и раздавала указания прислуге – внести чемоданы, приготовить ленч для Эдварда и ее самой; одиночество обступало ее, словно она была в чужом доме. Эмили вздохнула; ей так хотелось остановить слуг, сказать, что она возвращается в скромный дом Шарлотты – тесный, с подержанной мебелью, расположенный на узкой, непрестижной улице. Но Эмили была там счастлива; на несколько дней она забыла о своем положении вдовы. Материальные различия не имели никакого значения, потому что семья была вместе, а если один или два раза Эмили и просыпалась среди ночи и думала о том, что за стеной Шарлотта лежит в теплой постели с Томасом, то эти моменты быстро проходили, и она снова засыпала.

Теперь же контраст был подобен остро заточенному лезвию, и воздух в просторном доме, где она осталась единственной хозяйкой, казался ледяным, словно прикосновения холодной воды к коже.

Но это же абсурд! Слуги зажгли огонь во всех каминах, из коридора доносился звук быстрых шагов, в столовой звякали обеденные приборы, на лестнице переговаривались горничные, а обитая зеленым сукном дверь с глухим стуком закрылась, выпустив лакея.

Эмили поспешно поднялась по лестнице, на ходу снимая пальто. Появилась горничная, взяла у нее пальто и шляпку; потом она распакует чемоданы, отсортирует вещи для стирки и повесит платья. Няня займется вещами Эдварда.

Эмили вновь сошла вниз. В дверь будуара постучала кухарка, чтобы получить распоряжения насчет обеда, а также узнать меню на следующие несколько дней. Эмили ничего не делала сама, только принимала решения по поводу ничего не значащих вещей. В том-то и беда. Один пустой день сменялся другим, без каких-либо необходимых или интересных занятий: серыми январскими днями она может шить, писать письма, играть на пианино в пустой комнате или возиться с кистями и красками, не в состоянии воспроизвести на холсте то, что рисовало ее воображение.

Неважно, чем заниматься – лишь бы не в одиночестве.

Но большинство людей из ее окружения были просто знакомыми; называть их друзьями – значит принижать значение этого слова. Их общество нарушит окружающую ее тишину, но не даст чувства близости, а Эмили еще не дошла до такой степени отчаяния, когда требуется просто присутствие людей, все равно кого.

Рассудком она понимала, что настоящее общение предполагает близость, но Эмили сомневалась, что готова к близким отношениям с кем-то за пределами семейного круга. Ее мать тоже недавно овдовела, но у них так мало общего. Кэролайн Эллисон много лет прожила в браке и по всем меркам была счастлива. Тем не менее она неожиданно обнаружила, что у вдовства есть свои преимущества. Впервые в жизни ей ни перед кем не нужно было отчитываться: ни перед властным отцом, ни перед честолюбивой матерью, ни перед покладистым, но чрезвычайно самоуверенным мужем. Даже ее свекровь утратила статус непререкаемого авто-

ритета, матриарха, который был у нее при жизни сына. Наконец Кэролайн могла говорить то, что думает. Не раз и не два она приводила старую леди в ярость, советуя ей не лезть не в свое дело – когда был жив отец Эмили, она не осмеливалась на такое. Не стоило оно того – ни последующей размолвки, ни невозможности объясниться.

Но отец Эмили умер естественной смертью в возрасте шестидесяти пяти лет. А жизнь Джорджа оборвалась в самом расцвете, и кроме того, Эмили всегда была свободна и могла делать все, что хотела. Общество накладывало на нее ограничения, и после смерти Джорджа они связывали ее сильнее, чем при его жизни. Ощущение пустоты и одиночества испугало ее. Возможно, со временем это чувство усилится и Эмили придется заполнять свою жизнь бессмысленными занятиями и глупыми разговорами с людьми, которые ей абсолютно безразличны.

Альтернатива выглядела необыкновенно заманчивой: поддерживать дружбу с Джеком Рэдли. В данный момент она полагала, что без особого труда выбросит из головы вопросы, которые могла бы задать рациональная половина ее разума: есть ли в Джеке нечто большее, чем очарование, юмор и умение в любой момент развеять скуку, а также способность так хорошо понимать ее, что объяснения почти никогда не требуются, не говоря уже об оправданиях?

Симпатия – это для друзей. Эмили прекрасно понимала, что для замужества еще нужно доверие, понимание того, что они разделяют одни ценности, что супруг поддержит ее в горе или в болезни, защитит от нападков недоброжелателей. А если ему нельзя доверять – эта мысль вызвала почти физическую боль, как будто нанесенные Джорджем раны еще не зажили, – то все бессмысленно. А он будет достаточно осторожен, чтобы она никогда не узнала об этом, а главное, не узнали ее друзья.

И еще необходимо уважение. Что общего может быть у нее с человеком, не обладающим смелостью, чтобы сражаться за свои убеждения, или большим сердцем, способным на жалость? Она быстро разочаруется и в том, чье воображение не выходит за границы его собственных потребностей.

Эмили остановила себя, охваченная страхом и растерянностью. О чем, черт возьми, она думает? О замужестве? С ума сошла! Джеку просто нужна богатая невеста – она поняла это по его присутствию в Кардингтон-кресент. Дядя Юстас пригласил его как подходящего мужа для Тэсси – у него происхождение и связи, а у нее деньги. Но теперь сама Эмили, унаследовавшая поместья Джорджа, во много раз богаче Тэсси Марч. А эту противную мысль нужно выбросить из головы. Она богатая вдова. Скоро появятся охотники за деньгами, словно стервятники, которые кружат над умирающей добычей и дожидаются своего часа: появиться не слишком рано, чтобы не выглядеть неприлично и не разрушить свои шансы, но и не слишком поздно, иначе приз достанется другим.

Эта мысль показалась такой отвратительной, что Эмили стало дурно. В первый раз оказавшись на рынке невест, она наслаждалась игрой. У нее было все, чтобы победить, и она должна была победить. Эмили превосходно вела свою игру и заслужила приз. Она обладала невинностью и высокомерием неопытности. Теперь Эмили не так уверена в себе. Она познала вкус поражения, причем совсем недавно, и ей есть что терять.

Неужели Вероника Йорк оказалась в таком же положении? И ей приходят в голову те же мысли? Ее мужа убили, и она, скорее всего, является наследницей всего состояния Йорков. И тоже с подозрением смотрит на обожателей и мысленно проверяет каждого, чтобы понять, это любовь к ней или к ее богатству?

Ужасная самоуверенность! Джек Рэдли никогда не упоминал о женитьбе и даже не намекал Эмили, что именно таковы его желания и мечты. Нужно следить за своими мыслями, а иначе она сморозит какую-нибудь глупость в его присутствии и с головой выдаст себя, что сделает всю ситуацию просто невозможной!

Хоть бы случилось какое-нибудь серьезное преступление, за которое они могли бы взяться вместе с Шарлоттой, нечто реальное и несомненно важное, что вытеснит из ее головы все эти нелепые фантазии и грезы! Как может женщина, обладающая хоть каплей ума, все свои мысли направлять на то, чтобы дать указания слугам, которые и без того прекрасно знают, что им делать? С домашним хозяйством для одной женщины и маленького мальчика без труда справится и горничная!

В таком беспорядке пребывали мысли Эмили, когда следующим утром в гостиную вошел дворецкий и объявил, что приехал мистер Джек Рэдли и свидетельствует свое почтение. Он в гостиной при кухне и желает знать, примет ли его леди Эшворд.

Эмили слотнула и замерла на несколько секунд, пытаясь совладать со своим лицом; двореckому не пристало видеть ее растерянность.

– Странное время для визита, – небрежно ответила она. – Наверное, мистер Рэдли приехал по делу; возможно, у него для меня новости. Да, Уэйнрайт, пригласите его войти.

– Слушаюсь, миледи.

Если Уэйнрайт что-то заметил, на его гладком лице ничего не отразилось. Он медленно повернулся и вышел из комнаты, двигаясь торжественно и плавно, словно участник какой-то процессии. Дворецкий поступил на службу к Эшвордам еще мальчиком, а его отец был в имении главным садовником. Эмили чувствовала себя рядом с ним неловко.

Через секунду появился Джек – неторопливо, как требовали приличия, но шаги легкие, лицо оживленное. Одет он был, как всегда, модно, однако носил вещи с такой непринужденностью, что костюм выглядел просто удачным сочетанием, а не чем-то продуманным заранее. Многие люди дорого дали бы, чтобы производить такое впечатление.

Он замялся, собираясь сказать, что хозяйка прекрасно выглядит, но затем отказался от лжи в пользу слабой улыбки и правды.

– Вы выглядите усталой, Эмили, – как и я сам. Ненавижу январь, а он уже почти наступил. Нам следует заняться чем-нибудь ужасно интересным, чтобы месяц быстрее закончился, – мы будем так заняты, что не заметим, как он пройдет.

Ей не удалось сдержать улыбку.

– В самом деле? И что вы предлагаете? Прошу вас, садитесь.

Рэдли изящно опустился на стул и посмотрел ей прямо в глаза.

– Мы должны продолжить расследование, – ответил он. – Шарлотта же вернется к Йоркам, правда? У меня создалось впечатление, что она заинтересовалась не менее нас. И вообще, разве это не ее идея?

Идеальный предлог, и Эмили, не задумываясь, ухватила за него.

– Да, конечно! Я уверена, что она с радостью воспользуется шансом нанести еще один визит Йоркам. – Упомянуть о том, что для этого снова потребуются помощь Джека, не было необходимости; они оба это знали. Ни одна женщина в положении Шарлотты не станет претендовать на продолжение знакомства. В любом случае ее финансы не позволяли даже приехать в экипаже, не говоря уже о соответствующей одежде. Эмили обеспечит сестру экипировкой, но не сопровождением. Нужно напомнить Шарлотте о деле, а то в рождественской суете она могла забыть о Йорках.

– Я пошлю ей записку, – вслух прибавила Эмили. – И нельзя исключать, что Питт узнал что-то еще, и нам нужно быть в курсе.

Джек с задумчивым видом смотрел в пол.

– Я попытался – очень осторожно – расспросить нескольких знакомых о Данверах, но выяснил крайне мало. Отец, Гаррард Данвер, – какая-то шишка в Министерстве иностранных дел; возможно, именно по этой причине они близко знакомы с Йорками. Высший свет на удивление мал. Все знают друг друга если не лично, то по крайней мере в лицо или слышали друг о друге – разумеется, речь не идет о визитах. У него было два сына: один погиб в Индии

несколько лет назад, а второй, Джулиан Данвер, может жениться – или не жениться – на Веронике Йорк, в зависимости от результатов расследования Питта.

Эмили недовольно фыркнула. Она сочувствовала Веронике, и сомнения по поводу репутации молодой женщины вызвали у нее раздражение.

– Хотя бы кто-нибудь соблаговолил задуматься, достоин ли он ее! – язвительно воскликнула Эмили и тут же пожалела о вырвавшихся у нее словах. Лучше промолчать, чем выдать свои ужасные подозрения. Бог даст, Джек не догадается! Эмили открыла рот, собираясь утопить свое замечание в потоке слов, но испугалась, что он поймет ее намерения, и ограничилась вызывающим молчанием.

Джек слегка растерялся.

– Вы имеете в виду его репутацию?

Теперь растерялась Эмили. Нелепо допускать, что у мужчины должна быть такая же безупречная репутация, как у женщины; предположив такое, она зарекомендует себя эксцентричной особой, чуть ли не идиоткой.

Но альтернативой была правда, а это еще хуже. Как выйти из этой дискуссии, не будучи пойманной на лжи? Эмили почувствовала, что у нее горят щеки. Она должна что-то сказать! Молчание жгло ее огнем.

– Ну, Йорки могут задавать себе вопрос, такой ли он порядочный человек, каким кажется. – Эмили попыталась придумать более приемлемое объяснение, более конкретное. – У некоторых мужчин есть недостойные привычки. Возможно, вы не в курсе, но когда я помогала расследовать пару преступлений, то узнала ужасные вещи, которые скрывались от семьи. – Леди Эшворд заставила себя посмотреть на Джека. Не слишком ли она многословна?

– А это имеет какое-то отношение к убийству Роберта Йорка? – спросил он. Его взгляд оставался непроницаемым.

– Нет, – медленно произнесла Эмили. – Конечно, если это не он его убил.

– Джулиан Данвер?

– А почему бы и нет?

– Потому что он уже был любовником Вероники? – Джек понял, на что она намекает. – Да, такое возможно, – подтвердил он.

Очевидно, эта мысль не казалась ему неправдоподобной. Для Вероники развод был невозможен, даже на основании доказанной супружеской измены, не говоря уже об отсутствии каких-либо оснований. Эмили это знала. Только мужчина может развестись из-за того, что у него появилась другая, но и в этом случае репутация жены была бы погублена. Супруга обязана либо предотвращать подобные несчастья, либо благородно переносить их. А если в адюльтере уличат саму Веронику, то, женившись на ней, Джулиан Данвер распрощается с карьерой – а если точнее, высший свет отвергнет его. Для общества они просто перестанут существовать.

– Хотите сказать, Джулиан Данвер так увлекся Вероникой, что потерял голову и забыл о нравственности? – спросила Эмили, но не потому, что думала, что Джек может знать, а потому, что хотела выяснить его мнение о Веронике. Считает ли он ее женщиной, способной вызвать такую безумную страсть?

Ответ оказался таким, какого она боялась.

– Я не знаком с Данвером, – серьезно ответил Джек. – Но если это он, значит, Вероника та женщина, которая возбудила подобное чувство.

– О... – Голос Эмили был напряжен и звучал выше, чем обычно. – Тогда нам лучше немедленно приступить к делу, хотя бы ради справедливости. – Она говорила сухим, почти деловым тоном. – Я напишу Шарлотте, чтобы она пошла на зимнюю выставку, а вы должны постараться дать ей возможность встретиться с остальными людьми, которые могут иметь отношение к убийству. – Ее отчаяние прорвалось внезапно, несмотря на все попытки сдержать

его. – Как жаль, что я заперта здесь, как затворница! Это отвратительно! Я бы столько сделала, если бы могла выходить в свет. Просто адские муки!

Джек казался удивленным, но затем в его глазах зажглись веселые огоньки.

– Мне кажется, что вы еще не созрели для гостиницы в доме почтенной миссис Пирс Йорк, – хитро сказал он.

– Наоборот, – возразила Эмили; лицо ее горело. – Я уже перезрела!

Но сделать она все равно ничего не могла; ее выбор был прост: принимать свое положение с достоинством или нет.

Несколько минут они еще говорили на общие темы, а затем Джек ушел с поручением добыть необходимое приглашение. Оставшись одна, Эмили снова и снова перебирала в памяти сказанное, меняя то одно, то другое слово, чтобы сделать фразы более изящными, не такими откровенными. Ей хотелось бы вернуться назад и изменить ход этой встречи, сделать ее более непринужденной, пересыпанной остроумными замечаниями. Мужчины любят женщин, которые их развлекают, при условии, что они не слишком умны или язвительны.

Неужели она влюбилась в Джека? Это было бы недостойно – после смерти Джорджа прошло так мало времени... Или он просто ей симпатичен и это чувство усилилось скукой и ужасным одиночеством?

К вечеру шестого дня после Нового года, когда наступил тусклый и холодный январь – улицы покрыты снегом, а по земле ползет ледяной туман, словно белое покрывало смерти, забивая горло, поглощая свет, искажая звуки и отрезая от мира любого, кто отважился войти в него, – экипаж Эмили заехал за Шарлоттой. Сначала сестра приехала домой к Эмили, где переоделась в вечернее платье из шелка василькового цвета; Эмили вместе с горничной суетились вокруг нее, подгоняя платье по фигуре. Затем, завернувшись в шерсть и меха, поехала в экипаже Джека в особняк Гаррарда Данвера в районе Мейфэр, в дальнем конце Хановер-клоуз.

Экипаж медленно пробирался сквозь клубящийся туман, и Шарлотта едва различала газовые фонари над головой – вот он ярко-желтый, а через секунду уже становится размытым и тусклым от белых лохмотьев влажной пелены.

Она обрадовалась, когда они наконец приехали и настала пора снова стать Элизабет Барнаби. Легче сделать решительный шаг, чем сидеть, притаившись в темноте, снова и снова прокручивать все у себя в голове, беспокоиться из-за возможных трудностей и ошибок. Если обман раскроется, оправданий у нее не будет. Она окажется в ужасном положении: будет трепыхаться, словно мотылек на булавке, а окружающие – смотреть и думать, как она нелепа и безвкусна. Придется сказать, что она свихнулась – это единственное возможное оправдание.

Но если ей удастся обмануть высшее общество, выяснит ли она что-либо такое, что может пролить свет на гибель Роберта Йорка? Может, все это вообще не имеет отношения к Веронике и Роберту, а всего лишь глупый фарс, предназначенный для того, чтобы Эмили развеяла скуку, а Шарлотта получила возможность составить мнение о Джеке Рэдди, что ей удалось лишь отчасти?

Дверь экипажа открылась; снаружи стоял лакей, готовый помочь ей сойти. Шарлотта с благодарностью оперлась на его руку, и холодный воздух окутал ее, словно влажный шелк. Затем она быстро поднялась по ступеням и вошла в широкую, теплую прихожую.

У Шарлотты не было времени рассматривать мебель и картины рядом с широкой лестницей. Дворецкий принял у нее пальто и муфту, а горничная распахнула дверь в гостиную. Молодая женщина взяла Джека под руку и постаралась идти уверенным шагом – подбородок поднят, шелковые юбки шелестят. Хотя, если быть точной, это не ее юбки, а Эмили.

Джек подтолкнул ее локтем, и Шарлотта поняла, что переигрывает. Она должна казаться скромной и благодарной хозяйкам за прием. Шарлотта опустила взгляд, борясь с раздражением. Ей надоело чувствовать себя обязанной.

Они приехали последними, что было очень удобно, потому что они оказались единственными, кто не был близко знаком с остальными. Шесть человек, сидевших в комнате, повернулись и посмотрели на них с разной степенью интереса. Первой заговорила молодая женщина лет двадцати пяти с лицом, которое с некоторой натяжкой можно было назвать хорошеньким. Слегка вздернутый нос не назовешь классическим, а глаза светятся искренностью, несколько неуместной для незамужней женщины. Фигура недостаточно округлая, чтобы соответствовать требованиям моды, но густые и блестящие волосы могли удовлетворить самый взыскательный вкус.

– Здравствуйте, мисс Барнаби. Я Харриет Данвер. Я так рада, что вы могли прийти. Как вам Лондон, если не принимать во внимание эту ужасную погоду?

– Здравствуйте, мисс Данвер, – вежливо ответила Шарлотта. – Да, благодарю вас. Даже этот туман – приятное разнообразие после деревни, а люди тут так добры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.